

И.Гофман. *Стигма: Заметки об управлении испорченной идентичностью. Часть 1. Стигма и социальная идентичность. Часть 2. Контроль над информацией и социальная идентичность (главы 3-6).*
E.Goffman. Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity. . N.Y.: Prentice-Hall, 1963. Chapters 1 and 2 (3-6).

**Перевод М.С.Добряковой.
Translated by M.S.Dobryakova.**

Предисловие

За последнее десятилетие в литературе по социальной психологии была проделана довольно большая работа по описанию стигмы – ситуации, когда индивид считается неспособным к полноценной социальной жизни.¹ Данная работа время от времени пополнялась полезными примерами историй болезни,² а ее общая схема анализа применялась для все новых категорий людей.³

В данном очерке⁴ я предполагаю выполнить обзор уже имеющихся публикаций, посвященных стигме, причем я хочу обратить особенное внимание на некоторые научно-популярные работы и посмотреть, что они могут привнести в социологию. Предстоит отделить материалы, описывающие именно явление стигмы, а не смежные проблемы, и показать, как их можно разместить в одной концептуальной схеме, а также прояснить связь стигмы с проблемой девиантности. Это позволит мне сформулировать и затем использовать особый ряд понятий, связанных с «социальной информацией»? – информацией об индивиде, сообщаемой непосредственно им самим.

ЧАСТЬ 1. СТИГМА И СОЦИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

¹ Наиболее заметные работы по данной тематике принадлежат, среди социологов, таким авторам, как Э.Лемерт [E.Lemert], среди психологов – К.Левин [K.Lewin], Ф.Хадер [F.Heider], Т.Дембо [T.Dembo], Р.Баркер [R.Barker], Б.Райт [B.Wright]. Особенно см.: B.Wright, *Physical Disability – A Psychological Approach* (New York: Harper & Row, 1960), откуда я почерпнул множество ценных высказываний и ссылок.

² Например, см.: F.Macgregor et al. *Facial Deformities and Plastic Surgery*. Springfield, Ill.: Charles C. Thomas, 1953.

³ Например, см.: C.Orbach, M.Bard and A.Sutherland, 'Fears and Defensive Adaptations to the Loss of Anal Sphincter Control', *Psychological Review*, XLIV (1957), pp.121-175.

⁴ Более раннюю версию см.: M.Greenblatt, D.Levinson and R.William, *The Patient and the Mental Hospital* (New York: Free Press of Glencoe, 1957), сс. 507-510. Более поздний вариант был представлен 13 апреля 1962 г. в рамках лекций Р.МакАйвера в Южном социологическом обществе в г. Луисвилль, Кентукки. Поддержка данного издания осуществлена Центром исследований права и общества Университета Калифорнии в Беркли в рамках гранта Комитета Президента по проблемам преступности среди несовершеннолетних.

Греки – по всей видимости, весьма преуспевшие в развитии разного рода визуальных подсказок – придумали термин «стигма» для описания телесных знаков, призванных демонстрировать что-либо необычное или плохое о моральном статусе обозначаемого ими индивида. Эти вырезанные или выжженные на теле знаки говорили о том, что их носитель – раб, преступник или изменник, т.е. человек, запятнавший себя позором, ритуально нечистый, тот, кого следует сторониться, особенно в публичных местах. Позднее, во времена христианства, к термину добавились два новых слоя метафоры: во-первых, сыпь на коже стала восприниматься как свидетельство божьей милости, и, во-вторых, аналогичный статус обрели телесные свидетельства тех или иных физических недостатков – т.е. медицинский факт оказался увязанным с религиозными верованиями. Сейчас этот термин широко используется главным образом в первоначальном буквальном смысле, однако не столько обозначает знак на теле, сколько указывает на постыдный статус индивида как таковой. Изменения затронули также и взгляды на то, какой статус/поступок считать постыдным. Однако до сих пор исследователи не уделяли особенного внимания описанию структурных предпосылок возникновения стигмы и даже не давали определения самого понятия. Таким образом, представляется необходимым прежде всего попытаться вкратце сформулировать самые общие посылки и определения.

Предварительные замечания

Общество устанавливает способы категоризации людей и определяет набор качеств, которые считаются нормальными и естественными для каждой из категорий. Социальная среда устанавливает, какие категории людей в ней возможны. Рутинная практика социального взаимодействия в условиях сложившейся среды позволяет нам обращаться к окружающим нас знакомым людям [anticipated others], не особенно задумываясь об этом. При встрече с незнакомцем первое же впечатление от его внешности позволяет нам отнести его к той или иной категории и определить его качества – т.е. его «социальную идентичность». Этот термин представляется нам более удачным, чем «социальный статус», поскольку наряду со структурными качествами («видом занятий») он включает и личностные качества (например, «честность»).

Мы опираемся на эти предположения, трансформируя их в нормативные ожидания, в справедливо предъявляемые требования к другим.

Как правило, мы не осознаем, что составили такие требования, равно как не осознаем и самих требований – до тех пор, пока не столкнемся с проблемой их осуществления. Именно в этот момент мы понимаем, что все время формулировали для себя определенные предположения относительно того, каким должен быть данный индивид. Таким образом, наши требования, вероятно, лучше назвать требованиями «по факту совершения» [demands «in effect»], а характер, который мы приписываем индивиду, лучше рассматривать как вменение, осуществляемое в потенциальной ретроспективе, – т.е. как вынесение характеристики «по факту совершения», или как *виртуальную социальную идентичность* [virtual social identity]. Тогда его категория и черты, которыми, как можно доказать, он обладает в действительности, будут называться его *истинной социальной идентичностью* [actual social identity].

При встрече с незнакомцем мы можем заметить свидетельства того, что он обладает неким качеством, отличающим его от других людей его категории и являющимся нежелательным для него: если взять крайний случай, то этот

человек может быть основательно испорченным, опасным или слабым. Таким образом, в нашем сознании он превращается из цельного обычного человека в неполноценного, обладающего каким-то дефектом (подпорченного) [tainted, discounted]. Подобное качество – это и есть стигма, особенно если речь идет об очень сильном негативном воздействии; порою его называют также недостатком, дефектом, увечьем [failing, shortcoming, handicap]. Оно образует особый тип несоответствия между виртуальной и истинной социальной идентичностью. Обратите внимание, что есть и другие типы несоответствия между виртуальной и истинной социальной идентичностью – например, тот ее тип, что заставляет нас заново классифицировать индивида, перенося его из одной социально ожидаемой [socially anticipated] нами категории в другую, также вполне предсказуемую, или тот, что заставляет нас изменять нашу оценку индивида в лучшую сторону. Заметьте также, что речь идет не о всех нежелательных качествах, а только о тех, которые не соответствуют нашим стереотипным представлениям о том, каким должен быть данный тип индивида.

Таким образом, термин «стигма» будет использоваться для обозначения качества, выдающего какое-то постыдное свойство индивида [an attribute deeply discrediting]; причем характер этого качества определяется не самим качеством, а отношениями по поводу него. Качество, стигматизирующее один тип владельца, может лишь подтвердить обычность другого, и в этом смысле само по себе качество не является ни лестным, ни постыдным [neither creditable, nor discreditable]. Например, некоторые виды работ в Америке вынуждают занимающихся ими людей скрывать, что они не имеют соответствующего университетского образования; другие виды работ, напротив, вынуждают занимающихся ими людей скрывать свое университетское образование, если они не хотят прослыть неудачниками или чужаками. Аналогично, мальчик из среднего класса не станет сожалеть о том, что его видели в библиотеке; тогда как профессиональный преступник пишет:

«Я сейчас вспоминаю, это было не один раз, что я, например, приходил в публичную библиотеку рядом с домом и прежде, чем войти, пару раз оглядывался, чтобы убедиться, что меня никто не видит».⁵

Точно так же, индивид, стремящийся сражаться за свою страну, может скрыть какой-то физический недостаток, чтобы тот не повлек за собой нежелательное для индивида изменение физического статуса; позднее тот же самый индивид, ожесточенный и желающий поскорее покинуть армию, может изо всех сил стремиться попасть в военный госпиталь – и там его статус также окажется под вопросом, если обнаружится, что на самом деле с ним ничего серьезного не случилось.⁶ Таким образом, стигма – это особый тип отношения между качеством и стереотипом (хотя я не предлагаю и дальше расширять это определение – отчасти потому, что бывают важные качества, которые практически повсюду в нашем обществе считаются постыдными для владельца).

За термином «стигма» и его синонимами скрывается двойной вопрос: считает ли стигматизированный индивид, что о его необычности уже известно

⁵ T.Parker and R.Allerton, *The Courage of His Convictions*. London: Hutchinson, 1962. P. 109.

⁶ В этой связи см. обзор M.Meltzer, 'Countermanipulation through Malingering', in A.Biderman and H.Zimmer, eds, *The Manipulation of Human Behavior*. New York: John Wiley, 1961, pp. 277-304.

окружающим или что о ней станет известно в момент общения – или же он предполагает, что им о ней неизвестно и они не сразу ее заметят? В первом случае речь идет о состоянии *свершившегося позора* [the discredited], во втором – о *позоре возможном* [the discreditible]. Это важное различие, даже несмотря на то, что стигматизированный индивид скорее всего имеет опыт обеих ситуаций. Я начну с рассмотрения ситуации свершившегося позора, затем перейду к возможному позору, но не буду всегда четко разделять эти две ситуации.

Можно назвать три существенно различающихся типа стигмы. Во-первых, есть телесное уродство – разного рода физические отклонения. Во-вторых, есть недостатки индивидуального характера – такие, как слабая воля, неконтролируемые или неестественные страсти, подлые или косные убеждения, бесчестность; о них становится известно, например, из факта умственного расстройства, заключения в тюрьму, отсутствия постоянной занятости, попыток самоубийства, радикальных политических пристрастий, склонности к наркотикам, алкоголю, гомосексуализму. Наконец, есть родовая стигма расы, национальности и религии, которая может передаваться по наследству и охватывать всех членов семьи.⁷ Однако во всех этих различных примерах стигмы, включая и тот, что использовали греки, можно обнаружить одни и те же социологические черты: индивид, который мог бы легко участвовать в обычном социальном взаимодействии, обладает некой особенностью, которая навязчиво привлекает к себе внимание и отвращает от него собеседников, – тем самым перекрывая путь и другим качествам этого индивида. У него есть стигма, нежелательное отличие от того, чего мы ожидали [от его категории людей]. Нас и тех, у кого нет негативных отклонений от определенных ожиданий, я буду называть *нормальными*.

Наше (т.е. нормальное) восприятие человека со стигмой, равно как и наши действия по отношению к нему, хорошо известны, ибо эта реакция является собой то, что благожелательное социальное действие призвано смягчить и сгладить. Конечно, по определению мы полагаем, что человек со стигмой – не вполне человек [is not quite human]. На основании этого предположения мы применяем различные виды дискриминации, посредством которых существенно – причем порою не задумываясь – уменьшаем его жизненные шансы. Мы конструируем теорию стигмы – идеологию, призванную обосновать его неполноценность и объяснить опасность, которую он представляет, иногда – оправдать враждебность по отношению к нему, которая возникает на основании других его отличий, например, его принадлежности к определенному социальному классу.⁸ В нашей повседневной речи мы используем особые термины для обозначения стигмы (такие, как калека, убогодок, кретин) в качестве образного выражения, причем, как правило, не задумываясь об их исходном значении.⁹ Мы склонны приписывать человеку длинный ряд

⁷ Не так давно, особенно в Великобритании, статус низшего класса выступал в качестве важной родовой стигмы, и за прегрешения родителей (или за сам факт их принадлежности к определенной среде) наказывали ребенка, если тому доводилось подняться значительно выше своего исходного положения. Управление классовой стигмой является центральным мотивом английского романа.

⁸ D.Riesman, 'Some Observations Concerning Marginality', *Phylon*, Second Quarter, 1951, p. 122.

⁹ Пример, описывающий больных с психическими расстройствами, рассматривается в готовящейся к печати работе Т.Шеффа [T.J.Sheff]. Видимо, речь идет о работе:

несовершенств на основе какого-то одного исходного несовершенства;¹⁰ мы приписываем также и некоторые желательные для нас, но нежеланные для него свойства, зачастую это свойства суеверного характера – такие, как «шестое чувство» или «особая чуткость восприятия»:¹¹

«Одни люди колеблются, прежде чем коснуться слепого и помочь ему сориентироваться, в то время как другие воспринимают отсутствие зрения как состояние общей инвалидности и принимаются кричать слепому, как если бы он был глухим, или пытаются поднять его на руки, как если бы он не мог ходить. Те, кто сталкиваются со слепыми, могут иметь целый ряд представлений, основанных на стереотипе. Например, они могут считать, что в данном случае они получают уникальную оценку, – ибо предполагают, что слепой человек получает информацию по особым каналам, недоступным остальным».¹²

Кроме того, мы можем интерпретировать защитную реакцию индивида на ситуацию как непосредственное проявление его дефекта и затем будем воспринимать и дефект, и реакцию на создаваемую им ситуацию как расплату за что-то, что совершил он сам, его родители или его племя, – отсюда и оправдание нашего поведения по отношению к нему.¹³

Перейдем теперь от анализа с точки зрения нормального человека к анализу того, относительно кого он нормален. Как правило, члены одной социальной категории могут проповедовать жесткое подчинение некоему стандарту поведения, которое – по их мнению и по мнению окружающих – не распространяется на них самих. Например, бизнесмен будет ожидать женственного поведения от женщин и аскетического – от монахов, при этом он не будет считать, что эти стили поведения могут относиться и к нему. Различие здесь состоит в том, что в одном случае норма выполняется, а в другом просто поддерживается. Проблема стигмы возникает не здесь, а лишь когда все участники ситуации ожидают, что определенная категория людей должна не просто поддерживать какую-то норму, но и выполнять ее предписания.

Кроме того, возможна и ситуация, когда индивид не сумеет соответствовать нашим ожиданиям, однако эта неудача практически его не коснется; отчуждение отгораживает его от других людей, собственные представления об идентичности защищают его, в результате он чувствует себя полноценным нормальным человеком и считает, что это мы не вполне нормальны, а не он. Он несет на себе знак стигмы, но, похоже, это не занимает его и не удручает. Вероятность такого восприятия собственной стигмы наглядно

Scheff, Thomas J. *Being mentally ill: a sociological theory*. Chicago: Aldine Pub. Co., 1966. London: Weidenfeld & Nicolson, 1967; 2nd ed. N.Y.: Aldine Pub. Co., 1984; 3rd ed. N.Y.: Aldine de Gruyter, 1999, или: Scheff, Thomas J. (ed.) *Mental illness and social processes*. N.Y.: Harper & Row, 1967. Прим. перев.

¹⁰ О слепых см. E.Henrich and L.Kriegel (eds) *Experiments in Survival*. New York: Association for the Crippled Children, 1961, pp. 152, 186; а также H.Chevigny, *My Eyes Have a Cold Nose*. New Haven, Conn.: Yale University Press, 1962, p. 201.

¹¹ Одна слепая женщина рассказывала: «Меня попросили порекомендовать духи, поскольку слепота – предположительно – обостряет обоняние». См. T.Keitlen (with N.Lobsenz). *Farewell to Fear*. New York: Avon, 1962, p. 10.

¹² A.G.Gowman, *The War Blind in American Social Structure*. New York: American Foundation for the Blind, 1957, p. 198.

¹³ Например, см. F.Macgregor et al. *Facial Deformities and Plastic Surgery*. Springfield, Ill.: Charles C. Thomas, 1953.

описана в рассказах о меннонитах¹⁴, цыганах, закоренелых негодях или очень ортодоксальных евреях.

Однако в современной Америке подобные отдельные системы почета, видимо, уходят в прошлое. Стигматизированный индивид склонен придерживаться тех же убеждений относительно идентичности, что и мы, – и это главное наблюдение. Его самые глубокие чувства касаются того, кто же он; и в этом отношении он может чувствовать себя «нормальным человеком», таким же, как все, – а, значит, заслуживающим таких же шансов и возможностей.¹⁵ (Вообще-то, как бы мы это ни называли, он основывает свои притязания не на том, что, по его мнению, положено *каждому*, а на том, что положено каждому из определенной социальной категории – той, к которой он сам однозначно относится, например, на основании своего возраста, пола, профессии и т.д.). Однако он может чувствовать (причем, как правило, довольно верно), что, о чем бы ни заявляли другие, на самом деле они не «принимают» его и не готовы с ним взаимодействовать «на равных».¹⁶ Кроме того, усвоенные им стандарты более широкого общества позволяют ему тонко улавливать то, что другие считают недостатком, и это неизбежно заставляет его признавать, пусть даже только на время, что он действительно не является тем, кем он должен быть на самом деле. Стыд становится основным чувством, он возникает из восприятия индивидом своих собственных качеств как позорных, от которых он был бы рад избавиться.

Непосредственная близость нормальных людей может увеличить разрыв между требованиями к себе и собственной идентичностью, однако ненависть к себе и самоуничтожение возможны и когда человек остается наедине с зеркалом:

«Когда я наконец поднялся... и снова научился ходить, однажды я взял маленькое зеркальце и подошел в большому зеркалу посмотреть на себя, я был один. Я не хотел, чтобы кто-нибудь... знал, что я почувствовал, когда я увидел себя в первый раз. Не было ни шума, ни крика; я не закричал от ярости, когда увидел себя. Я просто оцепенел. Тот человек в зеркале *не мог* быть мной. Внутри я ощущал себя здоровым, обычным, счастливым человеком – совсем не таким, как в зеркале! И все же когда я повернул лицо к зеркалу, на меня смотрели мои глаза, полные стыда... Я не закричал, не издал ни единого звука, я

¹⁴ Меннониты – последователи течения в протестантизме, основанного в 30-х гг. XVI в. в Нидерландах Менно Симонсом (отсюда название). Признают основные протестантские принципы; отличительные черты: требование сознательного крещения, запрет браков с инаковерующими, отказ от воинской службы и др. // Энциклопедический словарь «История Отечества». <http://encycl.yandex.ru/cgi-bin/art.pl?art=io/19000/12216.htm&enpage=io> Прим. перев.

¹⁵ Понятие «нормального человека» может основываться на медицинском подходе к человеку или тенденции крупных бюрократических организаций (таких, как национальное государство) обращаться со всеми своими членами одинаково. Это понятие, каким бы ни было его происхождение, задает основную схему, следуя которой обычные люди постигают себя. Любопытно, что эта конвенция сложилась в популярных жизнеописаниях, где человек, относительно идентификации которого возникают вопросы, доказывает свою нормальность, ссылаясь на наличие жены и детей и как ни странно, на то, что он провел с ними Рождество и День благодарения.

¹⁶ Точку зрения преступника на подобное неприятие см. в работе: T.Parker and R.Allerton, *The Courage of His Convictions*. London: Hutchinson, 1962.

не мог говорить об этом с кем-то еще, и весь страх и паника от моего открытия остались тогда у меня внутри, я очень долго никому о них не рассказывал.¹⁷

Я старался забыть о том, что видел в зеркале. Этот образ не мог проникнуть вглубь моего сознания и стать частью меня. Мне казалось, он не имеет со мной ничего общего; это лишь маска. Но это не та маска, которую человек надевает по доброй воле, пытаясь ввести окружающих в заблуждение по поводу своей идентичности. Моя маска оказалась на мне не по моей воле, без моего согласия – просто как в сказке, и она ввела в заблуждение меня самого, исказила мое представление о себе. Я смотрел в зеркало, и меня охватывал ужас – я не узнавал себя. На моем месте (месте человека романтически восторженного, как это бывает у баловней судьбы, перед которыми открыты все дороги), я видел незнакомца – маленькую, жалкую, омерзительную фигурку и лицо, мучительно искажавшееся под моим взглядом и багровевшее от стыда. Это была лишь маска, но она была моя, она была со мной на всю жизнь. Она была со мной, со мной, она была настоящая. Каждая такая встреча была для меня ударом. Всякий раз я замирал, цепенел, утрачивал способность восприятия – пока медленно и упорно мое настойчивое воображение не одерживало верх и не вселяло в меня вновь эту цепкую иллюзию о том, что я здоров и красив; тогда я забывал о незначимой для меня реальности – и когда я сталкивался с ней снова, то опять оказывался не готовым к встрече, и она опять ранила меня».¹⁸

Теперь можно сформулировать основную особенность жизненной ситуации стигматизированного индивида. Это проблема того, что часто – хотя и не вполне ясно – называют «принятием» [acceptance]. Люди, имеющие дело с этим индивидом, не выказывают ему того уважения и почтения, которые предполагают аспекты его социальной идентичности, не зараженные стигмой, и которых он ожидал бы на основании этих аспектов; индивид отзывается на такое неприятие признанием того, что оно обосновано некоторыми его качествами.

Как стигматизированный индивид реагирует на ситуацию? В некоторых случаях он сможет попытаться напрямую исправить то, что ему кажется объективным основанием своего порока, – например, человек с каким-либо физическим изъяном делает пластическую операцию, слепой лечит зрение, безграмотный получает минимальное образование, гомосексуалист проходит курс психотерапии. (Если подобное лечение возможно; результат иногда ведет не к обретению нормального статуса, а к трансформации «я»: из человека с каким-либо изъяном он превращается в человека с историей исправления изъяна.) Здесь следует упомянуть склонность к «виктимизации» [proneness to victimization] – результат ситуации, когда стигматизированный индивид обращается к услугам мошенников, предлагающих исправить дефекты речи, отбелить кожу, увеличить рост, вернуть молодость (например, путем лечения оплодотворенным желтком), излечить при помощи веры, разговора. Идет ли речь о практической методике или мошенничестве, их настойчивый поиск,

¹⁷ K.B.Hathaway, *The Little Locksmith*. New York, Coward-McCann, 1943, p. 41, in B.Wright (ed.) *Physical Disability – A Psychological Approach*. New York: Harper & Row, 1960. P. 157.

¹⁸ Там же, сс. 46-47. Общий анализ неприятия по отношению к себе см. K.Lewin, *Resolving Social Conflicts*, Part III. New York: Harper & Row, 1948; A.Kardiner and L.Ovesey, *The Mark of Oppression: A Psychological Study of the American Negro*. New York: W.W.Norton, 1951; и E.H.Erikson, *Childhood and Society*. New York: W.W.Norton, 1950.

зачастую скрытый, еще раз подчеркивает крайности, на которые готов пойти стигматизированный индивид, – а такие крайности, в свою очередь, свидетельствует о болезненности ситуации для индивида. В качестве примера можно привести следующее описание:

«Мисс Пек [одна из первых социальных работников с людьми, страдающими расстройствами слуха, в Нью-Йорке] рассказывала, что поначалу изобиловавшие тогда шарлатаны и жаждавшие быстрого обогащения продавцы снадобий, видели в Лиге [людей с проблемами слуха] место удачной охоты, идеально подходящее для продажи магнитных шлемов, волшебных вибраторных аппаратов, искусственных барабанных перепонки, усилителей звука, воздушных фильтров, массажеров, магических масел, бальзамов и прочих средств, гарантированно, без вредных последствий раз и навсегда исцеляющих от неизлечимой глухоты. Объявления о подобных жульнических услугах осаждали глухих на страницах ежедневных газет и даже уважаемых журналов (до 1920-х гг., пока Американская медицинская ассоциация не вмешалась и не провела расследование)».¹⁹

Стигматизированный индивид может попытаться исправить свой недостаток и косвенным образом, изо всех сил стремясь овладеть видами деятельности, которые – по крайней мере, так считается – увечье делает ему недоступными по физическим причинам. В качестве примера можно привести хромого человека, который учится – впервые или заново – плавать, ездить верхом, играть в теннис, летать на аэроплане, или слепого, который мастерски катается на лыжах или занимается альпинизмом.²⁰ Конечно, такое мучительное обучение может вести и к столь же мучительному исполнению разученного – как, например, когда в танцевальной зале человек в инвалидной коляске исполняет некое подобие парного танца.²¹ Наконец, индивид с каким-то постыдным отличием от других может порвать с тем, что называется реальностью, и упорно пытаться использовать нетрадиционную интерпретацию особенностей своей социальной идентичности.

Стигматизированный индивид склонен использовать свою стигму для получения «вторичных выгод» [secondary gains] – как оправдание своей неудачи, произошедшей по причинам, не связанным со стигмой:

«Многие годы шрам, заячья губа или неправильной формы нос считаются физическим недостатком [handicap], а их значимость для социальной и эмоциональной адаптации помимо воли оказывается всеобъемлющей. Этот тот «предлог» [hook], которым больной объясняет все проявления своей несостоятельности, всю неудовлетворенность, все промедления, которые принесла ему социальная жизнь, и все связанные с нею неприятные обязанности; эта его особенность нужна ему уже не только как оправдание неучастия в конкуренции с другими людьми, но и как способ избежать социальной ответственности.

¹⁹ F. Warfield, *Keep Listening*. New York: The Viking Press, 1957, p. 76. См. также H. von Hentig, *The Criminal and His Victim*. New Haven, Conn.: Yale University Press, 1948, p. 101.

²⁰ Keitlin T. (with N. Lobsenz). *Farewell to Fear*. New York: Avon, 1962. Chap. 12, pp. 117-129 and Chap. 14, pp. 137-149. См. также Chevigny H. *My Eyes Have a Cold Nose*. New Haven, Conn.: Yale University Press, paperbound, 1962. Pp. 85-86.

²¹ Henrich E., and L. Kriegel (eds.) *Experiments in Survival*. New York: Association for the Aid of Crippled Children. P. 49.

Когда этот фактор устраняется путем хирургической операции, индивид лишается той более или менее приемлемой эмоциональной защиты, которую он ему давал, и вскоре обнаруживает – к своему удивлению и беспокойству – что жизнь не всегда гладкая даже для тех, у кого «обычное» лицо без изъянов. Он не готов справиться с этой ситуацией, когда его уже не поддерживает статус «инвалида», и может прибегнуть к более простому, хотя и родственному, способу защиты – избрать модель поведения неврастеника, ипохондрика, позволять себе истерические перепады настроения или пребывание в состоянии крайнего возбуждения».²²

Он также может трактовать пережитые им неприятные минуты как своего рода замаскированное благословение – особенно в силу того, что считается, будто страдание способно научить человека жизни и пониманию других людей. Например, мать, неизлечимо больная полиомиелитом, пишет:

«Но теперь, когда больница уже давно позади, я могу оценить, чему я научилась. Это было не только страдание – это было обучение посредством страдания. Я знаю, что я теперь лучше понимаю и чувствую других людей, и мои близкие могут рассчитывать на то, что я все сердцем и душой отдамся их проблемам. *Этому* я никогда бы не научилась на теннисном корте».²³

Соответственно, этот индивид может по-новому увидеть для себя ограничения нормальных людей. Вот, что рассказывает больной рассеянным склерозом:

«И здоровый ум, и здоровое тело могут быть увечными. Тот факт, что «нормальные» люди могут двигаться, могут видеть, слышать, не означает, что они действительно видят и слышат. Они могут быть совершенно слепы к вещам, способным омрачить их счастье, совершенно глухи к мольбам других; когда я думаю о них, я чувствую себя не более увечным или убогим, чем они. Возможно, каким-то образом я могу помочь им открыть глаза и увидеть всю красоту вокруг нас – такие вещи, как теплое рукопожатие, слова ободрения, весенний ветерок, звучащая музыка, дружеский кивок. Эти люди важны для меня, и мне нравится мысль, что я могу им помочь».²⁴

Или слова слепого писателя:

«Это сразу привело бы к мысли о том, что есть немало ситуаций, когда понимаешь, что слепота – отнюдь не самое страшное в жизни, и это совершенно здравая мысль. Так, с этой точки зрения мы можем понять, что такое несовершенство в жизни, как, например, неспособность принять человеческую любовь – которая может практически полностью лишит радости жизни, – гораздо большая трагедия, нежели слепота. Но больной этой болезнью редко вообще понимает, что он болен, так что он не способен испытать жалости к себе по этому поводу».²⁵

Или калеки:

«За свою жизнь я узнал много самых разных видов увечья, не только физических, и начал понимать, что слова девочки-калеки, приведенные выше

²² W.Y.Baker and L.N.Smith, 'Facial Disfigurement and Personality', *Journal of the American Medical Association*, CXII (1939), с. 303. О том, как человек использовал свой большой красный нос в качестве такого рода опоры, см. Macgregor F. et al., *Facial Deformities and Plastic Surgery*. Springfield, Ill.: Charles C. Thomas, 1953. С. 57 и далее.

²³ Heinrich and Krigel, *op. cit.*, p. 19.

²⁴ *Ibid.*, p. 35.

²⁵ Chevigni, *op. cit.*, p. 154.

[горькие слова] точно так же могли принадлежать и молодой женщине, которой никогда не нужны были костыли, но которая тем не менее чувствовала себя неполноценной, не такой, как другие, – вследствие некрасивости, неспособности иметь детей, неумения общаться с людьми или какой-нибудь еще причины». ²⁶

Рассматривавшиеся нами до сих пор реакции нормальных и стигматизированных людей на стигму таковы, что могут иметь место в течение длительных промежутков времени и вне зависимости от текущих контактов между нормальными и стигматизированными. ²⁷ Данная книга, однако, посвящена именно проблеме «смешанных контактов» – моментам, когда стигматизированные люди и нормальные оказываются в одной «социальной ситуации», т.е. испытывают физическое присутствие друг друга, будь то непосредственная беседа или просто одновременное присутствие на каком-либо мероприятии.

Конечно, уже само предвидение возможности такой ситуации может заставить нормальных людей и стигматизированных устроить все так, чтобы ее избежать. Вероятно, это стремление повлечет за собой более серьезные последствия для стигматизированных индивидов, поскольку, как правило, именно от них потребуются какие-то действия:

«До того, как она оказалась обезображенной [ей ампутировали периферическую часть носа], миссис Довер жила с одной из своих замужних дочерей и была независимой, теплой и дружелюбной женщиной, любившей путешествовать, ходить по магазинам и с удовольствием гостившей у родственников. Однако операция на лице совершенно изменила ее образ жизни. В первые два или три года она редко выходила из дома дочери, предпочитая оставаться у себя в комнате или сидеть на заднем дворе. «Я чувствовала себя несчастной, – говорит она, – жизнь закрыла двери передо мной». ²⁸

Нехватка приветственного подбадривания, обычного в повседневном социальном взаимодействии с другими людьми, может превратить оказавшегося в изоляции человека в мнительного, подавленного, враждебно настроенного, беспокойного и растерянного. В качестве примера можно привести рассказ Салливана:

«Осознание ущербности означает, что человек неспособен вытеснить из своего сознания непреходящее чувство совершенной незащищенности; это означает, что человек испытывает беспокойство или даже нечто более неприятное – если подозрительность хуже беспокойства. Страх, что другие не будут уважать тебя в силу каких-то твоих внешних качеств, означает, что ты всегда чувствуешь свою незащищенность при взаимодействии с другими. Это чувство незащищенности возникает не в силу каких-то загадочных, скрытых от нас причин – как это часто бывает в случае возникновения беспокойства – а в силу того, что этот человек не в состоянии исправить – и он знает об этом. Это означает почти полное разрушение самооценки, поскольку «я» человека не может смягчить или заглушить жесткие слова: «Я неполноценен. Поэтому люди не будут любить меня, и я не могу чувствовать себя с ними в безопасности». ²⁹

²⁶ F. Carling, *And Yet We Are Human*, London: Chatto & Windus, 1962, pp. 23-24.

²⁷ Подробнее на эту тему см., например: G.W. Allport, *The Nature of Prejudice*, New York: Anchor Books, 1958.

²⁸ Macgregor et al., *op. cit.*, pp. 91-92.

²⁹ Цит. по: *Clinical Studies in Psychiatry*, H.S. Perry, M.L. Gavel and M. Gibbon (eds.), New York: W.W. Norton & Company, 1956, p. 145.

Когда нормальные люди и стигматизированные оказываются в непосредственной близости друг от друга, особенно когда они пытаются поддержать совместную беседу, имеет место одна из наиболее важных для социологии ситуаций: во многих случаях здесь обе стороны должны непосредственно иметь дело с тем, что служит источником возникновения стигмы, и с последствиями ее существования.

Стигматизированный индивид может обнаружить, что чувствует себя не уверенным относительно того, как мы, нормальные, будем идентифицировать и воспринимать его.³⁰ Приведем наблюдение исследователя физических недостатков:

«Неопределенность статуса инвалида распространяется на целый ряд ситуаций социального взаимодействия помимо сферы занятости. Пока не состоится контакт, слепой, больной, глухой или калека никогда не могут знать наверняка, как к ним отнесется новый знакомый, примет ли он их или отвергнет. В этой ситуации оказывается подросток, негр со светлой кожей, эмигрант во втором поколении, индивид, изменивший свой статус вследствие социальной мобильности, или женщина, которая выполняет работу, считающуюся мужской».³¹

Эта неопределенность возникает не просто вследствие незнания стигматизированным индивидом того, к какой категории он будет отнесен, но и, в случае отнесения его к «хорошей» категории, вследствие осознания им того факта, что в душе люди могут искать для себя оправдания его стигмы:

«Я всегда ощущаю это с прямодушными людьми – что всегда, когда они милы со мной, хорошо ко мне относятся, они всегда в глубине души считают меня преступником, и все. Мне уже слишком поздно становиться кем-то другим, и все равно я остро это ощущаю – что это их единственное возможное ко мне отношение, что они не могут воспринимать меня как-то иначе».³²

Таким образом, у стигматизированного индивида возникает чувство, что он не знает, что же другие «на самом деле» думают о нем.

Далее, в ходе смешанных контактов стигматизированный индивид может почувствовать, что он «на арене»³³, будучи вынужденным всегда контролировать себя и следить за тем, какое впечатление он производит, – предполагая, что внимание к нему более пристальное и охватывает больше сторон поведения, чем в случае с другими людьми.

Вероятно также, что он будет чувствовать, что привычная схема интерпретации повседневных событий здесь не работает. Ему кажется, что его незначительные успехи расцениваются окружающими как проявления каких-то

³⁰ В работе Р.Баркера «Социальная психология физического недостатка» высказывается предположение о том, что стигматизированные индивиды «живут на социально-психологической границе», постоянно сталкиваясь с новыми ситуациями [R.Barker, 'The Social Psychology of Physical Disability', *Journal of Social Issues*, IV (1948), 34]. См. также упоминавшуюся выше работу Макгрегора и др., в которой выдвигается гипотеза о том, что индивиды с явно заметными увечьями меньше мучаются относительно того, как их воспримут окружающие, чем индивиды, чьи недостатки не так заметны [Macgregor et al., *op.cit.*, p. 87].

³¹ Barker, *op.cit.*, p. 33.

³² Parker and Allerton, *The Courage of His Convictions*. London: Hutchinson, 1962. P. III.

³³ Этот особый вид осознания себя анализируется в работе: S.Messinger et al., 'Life as Theatre: Some Notes on the Dramaturgic Approach to Social Reality', *Sociometry*, XXV (1962), 98-110.

замечательных, серьезных способностей. Например, профессиональный преступник рассказывает:

« [Он сказал:] “Знаете, просто невозможно поверить, что Вы читаете эти книги, меня это совершенно потрясает. Я-то наверняка полагал, что Вы читаете все эти приключения, все эти книжки ярких обложках. А тут, пожалуйста, – Клод Кокберн, Хью Клер, Симона де Бовуар, Лоуренс Дюррел!”

Он просто не считал это чем-то оскорбительным: наверное, он думал, что правильно делает, честно говоря мне о том, как он заблуждался. Вот какую опеку получает преступник со стороны прямодушных людей. “Только подумайте! – восклицают они, – В чем-то вы ведете себя, как самые обыкновенные люди!” Я не шучу, когда я слышу это, мне хочется их просто придушить».³⁴

Или пример, который приводит слепой человек:

«Его самые обычные действия – когда он спокойно прогуливается по улице, кладет на тарелку зеленый горошек, зажигает сигарету, – уже не воспринимаются как обычные. Он становится необычным человеком. Если он выполняет эти действия легко и уверенно, это вызывает такой же восторг, как и восторг при виде фокусника, вытаскивающего кролика из шляпы».³⁵

В то же время ему кажется, что незначительные промахи или случайные ошибки могут быть проинтерпретированы как прямое проявление его стигматизированной личности. Например, бывшие душевнобольные порою остерегаются вступать в бурную ссору с супругом/супругой или начальником, поскольку опасаются, что подобное проявление эмоции будет воспринято как признак прошлой болезни. Умственно отсталые люди оказываются в аналогичной ситуации:

«Бывает также, что, когда человек с замедленным умственным развитием сталкивается с какими-то трудностями, последние более или менее автоматически списываются на его «умственную неполноценность», в то время как если в такую же ситуацию попадает человек с «нормальными умственными способностями», это не воспринимается как особый симптом».³⁶

Еще один пример приводит одноногая девочка, вспоминая о своем опыте занятий спортом:

«Стоило мне упасть, тут же сбегались встревоженные женщины, кудахта и суетясь как перепуганные курицы. Они делали это с добрыми намерениями, и сейчас я ценю их заботливость, но тогда меня обижало и ужасно смущало их участие. Поскольку они, не задумываясь, считали, что я упала не потому, что в ролики что-то случайно попало – палка или камешек, а потому что это я упала – бедная, беспомощная калека».³⁷

«Никто из них не возмутился: «Ее сбросила эта дикая лошадь!», – а, прости Господи, именно это и случилось. Это было как ужасное возвращение в прежние дни, когда я каталась на роликовых коньках. Все сердобольные люди хором причитали тогда: «Ах, бедняжка, она упала!»³⁸

³⁴ Parker and Allerton, *op. cit.*, p. 111.

³⁵ Chevigni, *op. cit.*, p. 140.

³⁶ L.A.Dexter, ‘A Social Theory of Mental Deficiency’, *American Journal of Mental Deficiency*, LXII (1958), p. 923. Другое исследование умственной неполноценности как фактора стигматизации индивида см. S.E.Perry, ‘Some Theoretical Problems of Mental Deficiency and Their Action Implications’, *Psychiatry*, XVII (1954), pp. 45-73.

³⁷ Baker, *Out on a Limb*, New York, McGraw-Hill Book Company, n.d., p. 22.

³⁸ *Ibid.*, p. 73.

Когда промах стигматизированного индивида можно заметить, просто обратив на него внимание (т.е., как правило, посмотрев) – иными словами, когда позор индивида превращается из возможного в свершившийся, – он может почувствовать, что, продолжая оставаться среди нормальных людей, он оказывается совершенно незащищенным против вторжения в его частную сферу³⁹ – последнее ощущается, пожалуй, наиболее остро, когда на тебя начинают глазеть дети.⁴⁰ Дискомфорт от ощущения собственной незащищенности может возрасти в результате разговоров с посторонними людьми, считающими себя вправе завязать с ним разговор и принимающими интересовать отвратительными, с его точки зрения, подробностями его существования или предлагать помощь, в которой он не нуждается или которой не хочет.⁴¹ Можно добавить, что есть даже классический сценарий подобных расспросов: «Моя дорогая девочка, откуда у тебя эта болячка?»; «У моего двоюродного дяди была такая болячка, так что я все знаю о Вашей беде»; «Знаете, я всегда говорил, что люди с такой болячкой превосходно ладят со своей семьей и помогают бедным родственникам»; «Скажи, а как же ты купаешься с этой болячкой?». Все эти авансы подразумевают, что стигматизированный индивид – человек, к которому вправе подойти с расспросами любой посторонний, достаточно лишь быть доброжелательно настроенным к людям с такой бедой.

Зная, с чем он может столкнуться, попав в смешанную социальную ситуацию, стигматизированный индивид порою заранее внутренне съеживается и занимает оборонительную позицию. В качестве примера можно привести слова 43-летнего каменщика из исследования немецких безработных во время Депрессии:

«Как же это тяжело и унижительно – зваться безработным. Когда я выхожу на улицу, я опускаю глаза, потому что чувствую себя совершенно ущербным. Когда я иду по улице, мне кажется, что я отличаюсь от обычных людей, что все показывают на меня пальцем. Я инстинктивно избегаю встреч с кем бы то ни было. Мои прежние знакомые и друзья, знавшие меня в лучшие времена, уже не столь сердечны со мной. При встрече они лишь равнодушно приветствуют меня. Они уже не предлагают мне закурить, и мне кажется, их глаза говорят: «Ты этого не стоишь, ты не работаешь».⁴²

Или вот как анализирует ситуацию девочка-калека:

«Когда... я начала гулять одна по улицам нашего города... я обнаружила, что всегда, когда я проходила мимо группы из трех-четырех детей и если я при этом оказывалась одна, они принимались свистеть мне вдогонку... Иногда они даже бежали за мной, крича и улюлюкая. Я не знала, что с этим делать, мне казалось, я этого не вынесу...

Какое-то время эти встречи на улице наполняли меня холодным страхом перед всеми незнакомыми детьми...

А однажды я вдруг поняла, что стала настолько запуганной, настолько боялась всех незнакомых детей, что, подобно животным, они чувствовали мой страх, так что даже самые тихие и дружелюбные из них автоматически

³⁹ Этот вопрос хорошо анализируется в работе: R.K.White, B.A.Wright and T.Dembo, 'Studies in Adjustment to Visible Injuries: Evaluation of Curiosity by the Injured', *Journal of Abnormal and Social Psychology*, XLIII (1948), pp. 13-28.

⁴⁰ См., например: Henrich and Kriegel, *op. cit.*, p. 184.

⁴¹ См. Wright, *op. cit.*, 'The Problem of Sympathy', pp. 233-237.

⁴² S.Zawadski and P.Lazarsfeld, 'The Psychological Consequences of Unemployment', *Journal of Social Psychology*, VI (1935), 239.

принимались смеяться надо мной, стоило им увидеть, как я съезживаюсь и трушу».⁴³

Иногда в случае подобных смешанных контактов стигматизированный индивид, вместо того, чтобы заранее внутренне сжаться, может попытаться нарочито, грубо бравировать своим состоянием; однако это может привести к тому, что другие в ответ будут вести себя аналогичным образом. Можно добавить, что стигматизированный индивид порою колеблется, выбирая между оборонительной позицией и бравадой, мечется от одной тактики к другой и тем самым демонстрирует один из основных способов, которым обычное взаимодействие лицом к лицу может выйти из-под контроля.

Следовательно, стигматизированный индивид – по крайней мере, «зримо» стигматизированный – имеет веские причины чувствовать, что смешанные социальные ситуации чреватые неудобными, непредсказуемыми актами взаимодействия. Но если это так, то логично предположить, что и нам, т.е. нормальным людям, эти ситуации покажутся неопределенно-неловкими. Мы почувствуем, что стигматизированный индивид либо чересчур агрессивен, либо чересчур застенчив – причем и в том, и в другом случае готов усмотреть скрытый смысл в наших невинных действиях. И мы сами можем ощущать, что если мы попытаемся выказать ему откровенное сочувствие, нам придется перешагнуть через собственное смущение; при этом, если мы и в самом деле забудем о его недостатке, мы можем случайно потребовать от него невозможного или неосознанно оскорбить других индивидов с таким же недостатком. Пока мы с ним, каждый возможный повод для дискомфорта с его стороны может быть моментом, о котором, как мы думаем, он знает – и знает о том, что мы об этом знаем, или даже о том, что мы знаем, что он знает. В результате возникают условия для бесконечного регресса взаимной предупредительности во взаимодействии, относительно которого социальная психология Мида учит нас, как начинать такие действия, но не учит, как их заканчивать.

Если учесть все, что привносится в смешанную социальную ситуацию стигматизированным индивидом и нами, т.е. нормальными людьми, легко представить, что едва ли все в ней будет идти гладко. Мы скорее всего попытаемся вести себя так, будто он точно такой же, как и все люди, чье участие в данной ситуации естественно: мы можем попытаться воспринимать его лучше, чем он нам на самом деле кажется, или, напротив, хуже. Если не уместна ни одна из этих тактик, мы можем попытаться действовать, как если бы это был вообще «не человек» – а кто-то, в отношении кого мы не должны соблюдать ритуалы общения. Он, в свою очередь, скорее всего будет подыгрывать нашей тактике, по крайней мере сначала.

В результате, внимание потихоньку смещается в сторону от очевидных, бросающихся в глаза целей, и на первый план выходят обостренное осознание себя и осознание другого [self-consciousness / other-consciousness], что проявляется в патологической неловкости взаимодействия [pathology of

⁴³ Nathaway, op. cit., pp. 155-157, in S.Richardson, 'The Social Psychological Consequences of Handicapping', p. 7-8 // Неопубликованный доклад, представленный на конференции Американской социологической ассоциации в 1962 г. в Вашингтоне.

interaction-uneasiness].⁴⁴ Вот как описывает эту ситуацию человек с физическим недостатком:

«Если имеет место откровенная, бестактная реакция на недостаток как таковой или же, как это чаще бывает, когда явной реакции на него нет, подспудное повышенное, напряженное ощущение этого недостатка ведет к нарочитому его замалчиванию в процессе взаимодействия. Как отмечали мои респонденты, как правило, это сопровождается распространенными действиями, выдающими дискомфорт и неловкость, – когда человек тщательно взвешивает свои высказывания, неожиданно отказывается от обычных повседневных слов, принимается усиленно разглядывать любой другой объект, только не недостаток собеседника, натужно изображает веселость, говорит без остановки или вдруг напускает на себя неуместный пафос».⁴⁵

Таким образом, в ситуациях социального взаимодействия с индивидом, у которого есть та или иная стигма, – или мы предполагаем, что она у него есть, – нам свойственно прибегать к категоризациям, которые не отвечают ситуации, и испытывать неловкость. Без сомнения, нередки значительные отклонения от этой исходной позиции. И поскольку стигматизированный индивид, видимо, чаще нас оказывается в подобных ситуациях, он скорее нас научится ими управлять.

«Свои» и «Понимающие»

Выше мы предположили, что виртуальная идентичность индивида может не совпадать с его истинной идентичностью. Это расхождение, если оно очевидно или если о нем становится известно, негативно влияет на социальную идентичность индивида; оно отгораживает его от общества и от самого себя, и в результате он оказывается опозоренным человеком [discredited person], стоящим перед не принимающим его миром. Иногда (например, если человек родился безносым) он всю жизнь может чувствовать, что он одинок в своей беде и что весь мир против него. Однако в большинстве случаев он обнаружит, что есть люди, дружелюбно к нему настроенные, готовые взглянуть на мир с его позиций и внушить ему, что он такой же человек и «в сущности» нормален – несмотря на такую внешность и собственные сомнения. Рассмотрим две категории таких людей.

К первой категории дружелюбно настроенных других относятся, конечно же, люди с такой же стигмой. На собственном опыте зная, что это значит – иметь такую стигму, некоторые из них могут помочь данному индивиду советом, научить каким-то особым приемам, выслушать его жалобы – в результате он обретет моральную поддержку, ему станет легче, он почувствует, что он дома, что он принят другими людьми, как и всякий нормальный человек. В качестве примера можно привести фрагмент из исследования неграмотных людей:

«О существовании иной системы ценностей среди этих людей свидетельствует общность поведения, заметная при взаимодействии

⁴⁴ Более общее описание см. E. Goffman, 'Alienation from Interaction', *Human Relations*, X (1957), pp. 47-60.

⁴⁵ F. Davis, 'Deviance Disapproval: The Management of Strained Interaction by the Visibly Handicapped', *Social Problems*, IX (1961), p. 123. См. также White, Wright and Dembo, *op. cit.*, pp. 26-27.

неграмотных друг с другом. Из невыразительных, смешавшихся людей – какими они зачастую выглядят в «большом» обществе – среди своих они превращаются в ярких и понимающих. Более того, их самовыражение происходит в институциональных терминах. У них есть своя система реагирования [universe of response]. Они создают и признают определенные символы престижа и позора; оценивают значимые ситуации с точки зрения своих норм и стилей – в своих взаимоотношениях они сбрасывают маску услужливой готовности подстроиться [под других, грамотных].⁴⁶

Или как рассказывает человек с проблемами слуха:

«Я помню, каким облегчением было оказаться в школе Ничи с людьми, для кого проблемы со слухом были само собой разумеющимися. Я хотел познакомиться с людьми, для кого слуховой аппарат – само собой разумеющаяся вещь. Какое это облегчение – налаживать уровень громкости на своем аппарате и не думать, что кто-то на тебя смотрит. Какое-то время не думать о том, не торчит ли у тебя проводок сзади на шее. Какая это роскошь – громко сказать кому-то: «Вот незадача, у меня села батарейка!»⁴⁷

Среди своих стигматизированный индивид может использовать свой недостаток как жизнеорганизующую основу, однако при этом он должен примириться с тем, что так же будет поступать и половина его мира. Здесь он может совершенно не стесняясь рассказывать о том, как тяжело ему приходится с такой стигмой. В качестве примера приведем объяснения душевно больных людей по поводу причины их заключения в лечебницу:

1) «Я попал в дурную компанию. Однажды ночью мы ограбили заправочную станцию, и полиция схватила меня. Я здесь случайно»; 2) «Знаете, я совсем не должен здесь быть. Я вообще-то эпилептик, и мне совсем не место с этими людьми»; 3) «Мои родители ненавидят меня и поэтому поместили сюда»; 4) «Говорят, я сумасшедший. А я не сумасшедший, даже если я когда-то им и был, мне не место с этими убогими».⁴⁸

С другой стороны, ему могут наскучить рассказы товарищей по несчастью, и все эти истории о проявлениях жестокости по отношению к инвалиду, о неприятии со стороны группы, о различных уловках – словом, разговоры о «проблеме» становятся одним из самых тяжелых наказаний для обладателя стигмы. Конечно, за подобным вниманием к стигме скрыта позиция, не особенно отличающаяся от позиции нормального человека. Это видно в следующем высказывании:

«Кажется, что все мы склонны идентифицировать людей на основании черт, имеющих значение для нас, или черт, которые, по нашему мнению, важны всегда. Например, если спросить, кем был Франклин Рузвельт, вероятнее всего вам ответят, что Рузвельт был 32-м президентом Соединенных Штатов, а не что это был человек, страдавший полиомиелитом, – хотя, конечно, многие упомянут полиомиелит в качестве дополнительной информации, считая интересным тот факт, что он сумел пробиться в Белый Дом несмотря на свое заболевание.

⁴⁶ H.Freeman and G.Kasenbaum, 'The Illiterate in America', *Social Forces*, XXXIV (1956), p. 374.

⁴⁷ F. Warfield. *Keep Listening*. New York: The Viking Press, 1957. P. 60.

⁴⁸ R.Edgerton and G.Sabagh, 'From Mortification to Aggrandizement: Changing Self-Concepts in the Careers of the Mentally Retarded', *Psychiatry*, XXV (1962), p. 268. Более подробный анализ подобных печальных историй см. E.Goffman, 'The Moral Career of the Mental Patient', *Psychiatry*, XXII (1959), pp. 133-134.

Однако калека при упоминании имени Рузвельта вполне может подумать прежде всего именно о его полиомиелите».⁴⁹

Проводя социологическое исследование стигматизированных индивидов, авторы, как правило, анализируют и корпоративную (групповую) жизнь данной категории людей (если она вообще имеет место). Несомненно, здесь можно найти практически весь спектр типов образования и функционирования группы. Например, есть люди с дефектами речи, и эта их особенность едва ли позволяет им объединиться в какую бы то ни было группу.⁵⁰ Противоречивые чувства в отношении объединения в группу испытывают бывшие душевнобольные: лишь незначительное их число охотно посещают клубы душевного здоровья, даже несмотря на то, что у таких клубов совершенно безобидные названия, призванные позволить их членам собираться вместе, не боясь того, что подумают окружающие.⁵¹ Существуют также клубы взаимопомощи, где люди ищут товарищей по несчастью: клубы разведенных, престарелых, страдающих ожирением, стомированных пациентов,⁵² клубы инвалидов.⁵³ Есть клубы по месту жительства с более или менее добровольным членством для бывших алкоголиков и наркоманов. Есть общенациональные ассоциации (такие, как Общество анонимных алкоголиков), предлагающие своим членам целую доктрину, практически – образ жизни. Зачастую такие ассоциации являются продуктом многолетних усилий первоначально разрозненных индивидов и групп, что может служить объектом исследования социальных движений.⁵⁴ Есть сети взаимопомощи [mutual-claims networks], сформированные бывшими заключенными одной тюрьмы или колонии; примером может служить якобы существующее негласное общество бежавших из французской исправительной колонии во Французской Гвиане в Южной Америке;⁵⁵ более традиционный вариант сетей – национальные сети знакомых между собой (непосредственно

⁴⁹ F. Carling. *And Yet WE Are Human*. London: Chatto & Windus, 1962. Pp. 18-19.

⁵⁰ E. Lemert, *Social Pathology*, New York: McGraw-Hill Book Company, 1951, p. 151.

⁵¹ Исследование этого явления см. в работе: H. Wechler, 'The Expatient Organization: A Survey', *Journal of Social Issues*, XVI (1960), pp. 47-53. Среди таких названий: «Общество «Выздоровление», «Поиск», «Клуб 103», «Фонд Дома у фонтана», «Товарищеский клуб Сан-Франциско», «Центральный клуб». Исследование одного такого клуба см.: D. Landy and S. Singer, 'The Social Organization and Culture of a Club for Former Mental Patients', *Human Relations*, XIV (1961), pp. 31-41. См. также M. B. Palmer, 'Social Rehabilitation for Mental Patients', *Mental Hygiene*, XLII (1958), pp. 24-28.

⁵² В работе Д. Р. Уайта «У меня илеостома... Я бы хотел, чтобы ее не было.. Но я смирился с ней и научился жить нормальной, полноценной жизнью» говорится, что клубы илео- и колостомированных пациентов существуют в 16 штатах и в округе Колумбия, а также в Австралии, Канаде, Англии и Южной Африке [D. R. White, 'I have an ileostomy... I wish I didn't. But I have learned to Accept it and Live a Normal, Full Life', *American Journal of Nursing*, LXI (1961), p. 52].

⁵³ См. Baker (n.n.). *Out on a Limb*. New York: McGraw-Hill Book Company, n.d., pp. 158-159.

⁵⁴ Уорфилд описывает празднование в 1950 г. в Нью-Йорке очередной годовщины движения людей с проблемами слуха: на мероприятии присутствовали все поколения руководства, представители всех региональных отделений; в результате можно было узнать всю историю движения [Warfield, op.cit, pp. 135-136]. Заметки по поводу международной истории данного движения см.: K. W. Hodgson, *The Deaf and their Problems*, New York: Philosophical Library, 1954, p. 352.

⁵⁵ См. F. Poli, *Gentlemen Convicts*, London: Rupert Hart-Davis, 1960.

или через третьи лица) преступников и гомосексуалистов. Существует также определенная городская среда, в которой складываются особые институты услуг [service institutions], выступающие территориальной базой для проституток, наркоманов, гомосексуалистов, алкоголиков и представителей других «позорных» групп; иногда к ним присоединяются бродяги и прочие бесприютные люди, иногда нет. Наконец, в городе есть полноценные сообщества, образованные по принципу соседства и объединяющие людей определенной этнической, расовой или религиозной группы; такие сообщества характеризуются высокой концентрацией индивидов, стигматизированных на родовом уровне, и – в отличие от большей части стигматизированных групп – основной единицей организации в них выступает не индивид, а семья.

Конечно, здесь имеет место некоторая концептуальная путаница. Термин «категория» совершенно абстрактен и приложим к любой совокупности [людей] – в данном случае, к людям с определенной стигмой. Значительная доля лиц, попадающих в некоторую категорию на основе своей стигмы, могут говорить о себе, используя термин «группа» или его эквивалент – например, «мы» или «наши люди». Те, кто не входит в данную категорию, так же могут обозначать входящих в нее в терминах группы. Однако в большинстве случаев членство в такой группе не предполагает существования единой группы в строгом смысле слова; у этих людей нет ни возможности коллективного действия, ни стабильной модели взаимодействия, которая охватывала бы все его стороны. Что же действительно имеет место – это то, что представители одной категории (т.е. одинаково стигматизированные) имеют тенденцию собираться небольшими группами, все члены которых так или иначе связаны с данной стигмой; эти группы, в свою очередь, могут быть в различной степени встроены в организацию более общего характера. Оказывается также, что когда один представитель данной категории вступает в контакт с другим, оба могут изменить свое взаимное поведение, руководствуясь тем, что оба принадлежат к одной «группе». Далее: являясь членом данной категории, индивид с большей вероятностью вступит в контакт с другим ее членом, в результате у него даже могут с ним сложиться некоторые отношения. Таким образом, категория может выступать как средство, позволяющее принадлежащим к ней индивидам образовывать группы и выстраивать отношения между собой, – однако только лишь факт принадлежности к ней еще не означает формирования группы (в дальнейшем в данной работе мы не всегда будем обращать внимание на этот концептуальный нюанс).

Независимо от того, образуют ли индивиды с той или иной стигмой некоторое сообщество, закрепленное на экологическом уровне, они скорее всего будут поддерживать представляющих их акторов и структуры [agents and agencies]. (Любопытно, что у нас нет специального слова для таких людей – нечто вроде поклонников или фанатов таких представителей.) Например, члены такой группы могут иметь своего человека, которые лоббирует их интересы в прессе или правительстве; причем, это может быть как человек из этой же среды, т.е. «свой», – как, например, в случае с глухими, слепыми, алкоголиками и евреями, или кто-то со стороны – как, например, в случае с бывшими ворами или душевнобольными.⁵⁶ (Группы действия, представляющие интересы одной и той же категории стигматизированных индивидов, иногда могут находиться в некоторой оппозиции по отношению друг к другу, и эта оппозиция зачастую

⁵⁶ О слепых см., например: Chevigny, *op.cit.*, Chap. 5.

отражает различия в стиле управления – в зависимости от того, осуществляется ли оно «своими» или «нормальными».) Характерной задачей таких представителей является убедить общественность использовать более мягкие социальные ярлыки в отношении данной категории:

«Действуя в соответствии в этими взглядами, представители Лиги [Нью-Йоркской Лиги людей с проблемами слуха] решили использовать только такие термины, как «проблемы слуха», «ослабленный слух», «потеря слуха»; отказаться от слова «глухой» в разговоре, на письме, в процессе обучения и в случае публичных выступлений. Это сработало. Нью-Йорк начал постепенно переходить к новым обозначениям. Это шаг к нормальному мышлению».⁵⁷

Другая их обычная задача – выступать в качестве «докладчика» перед различными аудиториями нормальных людей и стигматизированных. Они представляют здесь сторону стигматизированных и, в случае если сами принадлежат к данной категории, являют собой образец нормальной, полноценной жизни – т.е. выступают как люди, героически справившиеся с адаптацией и заслуживающие общественного поощрения, ибо сумели доказать, что индивид данной категории может быть хорошим человеком.

Нередко люди с той или иной стигмой финансируют какое-либо печатное издание, на страницах которого люди делятся своими чувствами, высказывают слова поддержки, что в результате укрепляет веру читателя в «реальность» данной группы и усиливает его связанность с ней. Здесь формулируется идеология членов данной группы – их жалобы, надежды, политика. Называются имена известных друзей и врагов «группы», приводится дополнительная информация, подтверждающая соответственно плохие или хорошие стороны этих людей. Публикуются истории успеха, рассказывается о героях, сумевших адаптироваться и завоевавших для себя новые сферы нормальной жизни. Рассказывается о жестоким отношении нормальных людей к представителям данной категории – приводятся давние истории и совсем новые. В биографической и автобиографической форме публикуются рассказы поучительного характера, показывающие желательную линию поведения для данной категории стигматизированных. Такое издание служит также и местом дискуссии, в которой могут быть представлены разные точки зрения на то, как лучше всего стигматизированному человеку вести себя в данной ситуации. Если изъясн человека предполагает использование определенного оборудования, публикуется реклама этого оборудования, его описание и анализ. Читательская аудитория подобного издания служит рынком для других книг и брошюр аналогичной направленности.

Важно подчеркнуть, что, по крайней мере в Америке, независимо от того, сколь мала та или иная категория стигматизированных людей или сколь тяжело ее положение, позиция ее членов почти всегда будет представлена публично. Следовательно, можно утверждать, что стигматизированные американцы, сколь бы далеко они ни были от культуры, в большинстве своем ориентируются на мир, живущий по законам литературной традиции. Если они не читают книг о людях в аналогичном положении, то по крайней мере они читают журналы и смотрят фильмы; если же они не делают и этого, то они слушают разговоры своих более красноречивых товарищей-соседей. Таким образом, их интеллектуально обработанная точка зрения становится доступной для большинства стигматизированных индивидов.

⁵⁷ Warfield, *op. cit.*, p. 78.

Здесь требуется некоторое пояснение по поводу тех, кто выступает в качестве представителей стигматизированной категории. Начиная как человек, чуть более красноречивый, чуть более известный или имеющий чуть более хорошие связи, чем свои товарищи, стигматизированный индивид может обнаружить, что это «движение» занимает у него весь день и что он стал профессионалом. Вот как говорит об этом женщина с проблемами слуха:

«В 1942 г. я проводила почти каждый день в Лиге. По понедельникам я шла в отделении Красного Креста. По вторникам я работала в конторе – что-то печатала, подшивала бумаги, сидела на телефоне. В среду днем я помогала доктору в клинике нашей Лиги по предупреждению глухоты в Манхэттенской больнице проблем глаза и уха; эта работа мне особенно нравилась – вести истории болезни детей, которые, перенеся простуду, воспаление среднего уха, различные инфекции или осложнения детских болезней, могли воспользоваться новыми знаниями, новыми лекарствами, новыми отолгическими средствами – и которым, возможно, уже не придется жить с ватой в ушах. По четвергам я ходила в Лигу на уроки чтения по губам, а после мы играли в карты и пили чай. По пятницам я работала над «Бюллетенем». По субботам я делала какао и сэндвичи с салатом и яйцом. Раз в месяц я ходила на собрание Женской взаимопомощи – добровольной организации, основанной в 1921 г. Миссис Венделл Филлипс и другими женами специалистов по ушным болезням для поиска средств для Лиги, привлечения в нее новых членов и представления ее общественности. Я готовила подарки шестилетним детишкам на Хэллоуин и помогала устраивать ужин на День Благодарения. Я рассылала рождественские открытки с просьбой о пожертвованиях, писала адреса и наклеивала марки. Я шила новые занавески и чинила старый столик для пинг-понга, устраивала танцы для молодежи в День Св. Валентина и торговала в киоске на пасхальном базаре».⁵⁸

Можно добавить, что когда человек с той или иной стигмой достигает высокого профессионального, политического или финансового положения (высота его зависит от того, о какой стигматизированной группе идет речь), он может начать делать новую карьеру – профессионально представлять свою категорию людей. Он начинает считать себя слишком заметным, чтобы ему возможно было избегать роли представителя этих людей. (Таким образом, слабость стигмы можно измерять тем, насколько заметен представитель данной категории и удастся ли ему при этом избежать подобного давления.)

Две точки зрения порою высказываются относительно данного вида профессионализации. Во-первых, сделав из своей стигмы профессию, эти лидеры обязаны иметь дело с представителями других категорий и тем самым выйти за узкие рамки своего круга. Вместо того, чтобы опираться на свой костыль, они принимаются играть им в гольф и – с точки зрения социального участия – перестают быть представителями своей группы в буквальном смысле.⁵⁹

⁵⁸ Warfield, op. cit., pp. 73-74; см. также главу 9, сс. 129-158, где приводится подобный рассказ о профессиональной жизни. Описание жизни человека, лишившегося конечности и ставшего профессионалом, см. H. Russel, *Victory in My Hands*, New York: Creative Age Press, 1949.

⁵⁹ С самого начала такие лидеры могут вырастать из людей данной категории, стремящихся отойти от их жизни и относительно свободных это сделать, – в результате возникает явление, названное Левином «лидером с периферии»

Во-вторых, люди, профессионально представляющие позиции своей категории, могут вносить в свою работу систематические предубеждения – просто потому, что они слишком тесно связаны с этой проблемой, чтобы писать о ней отстраненно. Хотя для любой категории стигмы вероятно существование в ней профессионалов, высказывающих разные точки зрения и даже поддерживающих публикации, которые представляют разные программы, существует общее негласное соглашение, что положение индивида с данной стигмой заслуживает того, чтобы на него обратили внимание. Независимо от того, рассматривает ли автор публикации стигму всерьез или настроен достаточно легкомысленно, он должен определять ее как нечто, достойное рассмотрения. Это минимальное соглашение, даже при отсутствии всяких других соглашений, способствует закреплению стигмы в качестве основы самовосприятия [self-conception]. И опять представители здесь перестают быть представителями в буквальном смысле, ибо едва ли возможно представление со стороны людей, не обращающих внимание на свою стигму или не особенно владеющих пером.

Я здесь отнюдь не хочу сказать, что такие профессионалы являются для стигматизированных индивидов единственным публичным каналом для напоминания об их жизненной ситуации; для этого у них есть и другие возможности. Всякий раз, когда индивид с той или иной стигмой вдруг становится объектом всеобщего внимания (например, нарушает закон, получает премию или становится первым среди своих), местное сообщество начинает говорить об этом; подобные события могут даже обсуждаться в новостях «большого» общества. В любом случае люди с такой же стигмой, что и прославившийся индивид, сразу становятся ближе к окружающим их нормальным людям, и на них отчасти переносится то же отношение – хорошее ли, дурное ли, – что и к данному индивиду. Таким образом, эта ситуация выводит их в мир прославившихся героев или злодеев с такой же стигмой, что и у них самих, и их отношения с этим миром во многом определяются их непосредственным окружением, включающим и нормальных людей, и стигматизированных, рассказывающих им о том, как поступил человек с такой же стигмой.

Я описал одну группу людей, со стороны которых стигматизированный индивид может ожидать поддержки, – людей, которые обладают такой же стигмой и в силу этого относятся другими и относят себя сами к этой же категории. Вторая группа – так называемые «понимающие» [the wise] (если заимствовать термин, однажды использованный гомосексуалистами), или люди, которые сами являются нормальными, но их специфическая ситуация посвятила их в скрытую от посторонних жизнь стигматизированного индивида, которые симпатизируют ему и которые в определенной мере допускаются в его клан – и в определенной мере являются его членами. Понимающие люди – это в прошлом маргиналы, перед которыми стигматизированному индивиду нет нужды испытывать стыд или особенно контролировать себя, ибо он знает, что несмотря на свой недостаток он воспринимается как обычный человек. Можно привести пример из мира проституции:

«Ни во что не ставя светские условности, проститутка, особенно девочка по вызову, тем не менее чрезвычайно ценит вежливое обращение, находя

[leadership from the periphery] [K.Lewin. Resolving Social Conflicts. Part III. New York: Harper & Row, 1948, pp. 195-196].

прибежище в свободные от работы часы в общении с богемными художниками, писателями, актерами, философами. Здесь ее принимают как оригинальную личность, а не как любопытную зверюшку».⁶⁰

Прежде чем принять точку зрения индивида с той или иной стигмой, нормальный человек, превращающийся в понимающего, сначала должен пережить нечто, задевающее его душу и сердце, – и об этом написано немало.⁶¹ Часто нормальному индивиду, сочувственно настроенному к стигматизированному и решившему приблизиться к нему, приходится ждать, пока тот сочтет его достойным доверия. Недостаточно предложить себя, надо еще, чтобы тебя приняли. Конечно, кажется, что окончательный шаг иногда также иницируется нормальным индивидом; ниже следующее описание иллюстрирует это утверждение.

«Не знаю, получится ли у меня, но я попробую рассказать вам одну историю. Однажды меня приняли в группу мальчиков-негров примерно моего возраста, мы ходили вместе на рыбалку. Когда я первый раз пошел с ними, они очень тщательно следили за использованием обозначений «черномазый», «ниггер» в моем присутствии. Постепенно, когда мы стали рыбачить все чаще, они начали подтрунивать друг над другом – также в моем присутствии – и обзывать друг друга «черномазыми». Произошла перемена в использовании ими в шутку слова «черномазый» – прежде они всячески его избегали.

Однажды, когда мы пошли купаться, один мальчик в шутку сильно толкнул меня, и я сказал ему: «Ты, черномазый, только толкни еще».

На что он радостно осклабился: «Ну ты, ублюдок».

С того момента мы все могли использовать слово «черномазый», но значение его было уже совершенно иным. И я уже никогда не забуду того чувства, которое я испытал глубоко-глубоко внутри, когда произнес «черномазый» без запинки, совершенно чисто, без всяких оговорок и опасений».⁶²

Первый тип понимающих людей – те, чье понимание сформировалась в результате работы в сфере, связанной с помощью людям с определенной стигмой или с действиями общества в отношении таких людей. Например, понимающими в этом смысле могут быть медсестры и физиотерапевты; случается, они больше знают о каком-то виде протезов, чем пациент, который должен научиться ими пользоваться, чтобы компенсировать свое увечье. Понимающими зачастую бывают работники-неевреи в еврейских магазинах (кошерной пищи), бармены-негомосексуалисты в барах для гомосексуалистов или горничные проституток в [лондонском фешенебельном районе] Мейфер.⁶³ Полицейские, будучи вынужденными постоянно иметь дело с преступниками, могут научиться относиться к ним с пониманием; это позволяет предположить,

⁶⁰ J.Steam, *Sisters of the Night*, New York: Popular Library, 1961, p. 181.

⁶¹ В работе Н.Мейлера «Злодей-гомосексуалист» приводится классический в этом отношении пример, описывающий основной цикл: фанатизм, затем – опыт, открывающий глаза, и, наконец, – публичное раскаяние в собственной предвзятости [N.Mailer, 'The Homosexual Villain', in *Advertisements for Myself*, New York: Sighet Books, 1960, pp. 200-205]. См. также записи признаний о новом восприятии калек во введении Ангуса Уинсона к работе Карлинга [Carling, *op. cit.*].

⁶² Ray Birdwhistell in B.Schaffner (ed.) *Group Processes*, Transactions of the Second (1955) Conference, New York: Josiah Macy, Jr. Foundation, 1956, p. 171.

⁶³ C.H.Rolph (ed.) *Women of the Streets*, London: Secker and Warburg, 1955, pp. 78-79.

что «...полицейские – единственные люди, кроме самих преступников, которые видят и ценят тебя самого».⁶⁴

Ко второму типу понимающих людей относятся индивиды, на уровне социальной структуры связанные со стигматизированным индивидом; эта связь ведет к тому, что в некоторых отношениях «большое» общество воспринимает этих двух индивидов как одного. Так, преданная жена душевнобольного, дочь бывшего заключенного, родитель калеки, друг слепого, семья палача⁶⁵ – на них всех переносится часть позора связанного с ними стигматизированного индивида. Возможная реакция на такую участь – смириться и жить в мире подобных стигматизированных отношений. Следует добавить, что индивиды, на которых таким образом переносится часть стигмы, сами могут передавать ее на свои собственные дальнейшие знакомства. Проблемы стигматизированных людей распространяются волнами, но всякий раз интенсивность влияния уменьшается. В качестве примера можно привести вырезку из газеты:

«Дорогая Энн Ландерс,

Мне 12 лет, и я полностью выключена из всякой общественной жизни, потому что мой отец – бывший заключенный. Я стараюсь быть со всеми милой и дружелюбной, но это не помогает. Девочки в школе сказали мне, что их мамы не хотят, чтобы они водились со мной, потому что это дурно повлияет на их репутацию. О моем отце плохо писали в газетах, и даже хотя он отсидел свой срок, этого уже никто не забудет.

Могу ли я что-то изменить? Я очень одинока, это совсем не весело – быть все время одной. Моя мама старается брать меня собой в разные места, но я хочу иметь друзей моего возраста. Пожалуйста, посоветуйте мне что-нибудь.

Отверженный человек».⁶⁶

В целом, тенденция стигмы переходить от стигматизированного индивида на близких ему людей объясняет, почему подобных отношений либо избегают вовсе, либо стремятся поскорее оборвать, если они все-таки возникают.

Люди с такой стигмой «по обычаю» (т.е. «почетной», а не подлинной) демонстрируют модель «нормализации»,⁶⁷ показывая, сколь далеко можно зайти в своих попытках обращаться со стигматизированным индивидом так, как если бы у него не было стигмы. (Нормализацию следует отличать от «нормификации» – попыток стигматизированного индивида представлять себя как обычного человека, при этом не обязательно, что он скрывает свой недостаток). Может иметь место и культ стигматизированного человека, когда боязнь стигмы со стороны нормальных людей наталкивается на уважительное отношение к стигме со стороны мудрых людей. Человек с такой «почетной» стигмой может на деле вызвать неловкость и у стигматизированного индивида, и у нормального: его постоянная готовность взять на себя «чужое» бремя может быть неприятной всем остальным людям своим излишним морализаторским духом; его попытка представить стигму как что-то нейтральное, на что не стоит обращать особенного внимания, может привести к тому, что его поведение и

⁶⁴ Parker and Allerton, *op. cit.*, p. 150.

⁶⁵ J. Atholl, *The Reluctant Hangman*, London: John Long, Ltd., 1956, p. 61.

⁶⁶ *Berkeley Daily Gazette*, 12 April 1961.

⁶⁷ Эта идея была сформулирована в работе: C.G. Schwartz, 'Perspectives on Deviance – Wives' Definitions of Their Husbands' Mental Illness', *Psychiatry*, XX (1957), pp. 275-291.

поведение стигматизированного человека будет истолковано нормальными индивидами как оскорбление/агрессия.⁶⁸

Отношения между стигматизированным индивидом и его компаньоном могут быть непростыми. Тот из них, у кого есть какая-то стигма, может бояться, что в любой момент его спутник изменит свое отношение, причем что это произойдет тогда, когда он уже перестанет его опасаться и начнет зависеть от него. Например, проститутка рассказывает:

«Я просто хочу посмотреть, что получится, если я буду действовать первой. Я объясняла ему, что если, например, мы поженимся и вдруг поссоримся, он все свалит на меня. Он говорит, что нет, но мужчины все такие».⁶⁹

С другой стороны, индивид с «почетной» стигмой [courtesy stigma] может обнаружить, что ему приходится испытывать многие из тех стандартных лишений, что испытывают стигматизированные индивиды, с которыми он общается, но не испытывать при этом удовлетворения от высокой самооценки – что является распространенной защитой при подобной линии поведения. Более того, почти так же, как и стигматизированный индивид по отношению к нему самому, он может терзаться сомнениями, что его группа стигматизированных действительно «приняла» его.

Моральная карьера

Люди с определенной стигмой часто переживают схожие моменты в оценке своего положения и схожие изменения в самовосприятии – у них схожая «моральная карьера», которая является одновременно и причиной, и результатом выбора схожей последовательности актов личностной адаптации. (Естественную историю категории людей с определенной стигмой следует четко отличать от естественной истории самой стигмы, т.е. истории происхождения, распространения и уменьшения способности того или иного качества выступать в качестве стигмы в определенном обществе – каким, например, в Америке является развод в обществе высшего среднего класса). Первая фаза этого процесса социализации состоит в том, что стигматизированный индивид изучает положение нормального человека, запоминает его и тем самым усваивает представления об идентичности, принятые в «большом» обществе, а также общую идею: что это такое – обладать определенной стигмой. Во время второй фазы он узнает, что обладает определенной стигмой и, на этот раз подробно, изучает все последствия этого факта. Выстроенность этих начальных фаз моральной карьеры во времени и их взаимодействие между собой ведет к формированию важных моделей, закладывая основы дальнейшего развития и обеспечивая средства выбора моральных карьер, доступных стигматизированным индивидам. Можно выделить четыре таких модели.

Первая модель относится к индивидам с врожденной стигмой, которые вживаются в свою ущербную ситуацию одновременно с изучением и освоением ущемляющих их стандартов.⁷⁰ Например, сирота узнает, что для детей

⁶⁸ Пример с отношении слепых см. A.Gowman, “Blindness and the Role of the Companion”, *Social Problems*, IV (1956), pp. 68-75.

⁶⁹ Stearn, *op. cit.*, pp. 99.

⁷⁰ Анализ этой модели можно найти в работе: A.R.Lindesmith and A.L.Strauss, *Social Psychology*, rev. ed., New York: Holt, Rinehart & Winston, 1956, pp. 180-183.

естественно и нормально иметь родителей, и одновременно он узнает, что это значит – когда их нет. Проведя первые шестнадцать лет своей жизни в приюте, впоследствии он все равно может чувствовать, что он естественным образом понимает, что значит быть отцом своему сыну.

Вторая модель построена на способности семьи и, в меньшей степени, соседского окружения, создать защитную оболочку для своих детей. В такой оболочке поддерживается информационный контроль, и ребенок с врожденной стигмой может воспитываться осторожно. Этот волшебный круг перекрывает путь самоуничижительным определениям, при этом ребенок усваивает многие другие понятия «большого» общества – те, которые позволяют ему увидеть себя полноценным, совершенно обычным человеком, с нормальной идентичностью в отношении таких основных вещей, как возраст и пол.

Момент, в который этот защитный домашний круг разрывается и уже не может предохранять ребенка, варьируется в зависимости от социального класса, места проживания и типа стигмы, однако всякий раз, когда это происходит, ребенок переживает определенный моральный опыт. Так, поступление в школу часто оказывается моментом узнавания своей стигмы, причем это случается порою совершенно стремительно, в первый же день – насмешки, издевательства, остракизм, драки.⁷¹ Интересно, что чем более серьезен «дефект» ребенка, тем с большей вероятностью его отправят в специальную школу для детей с таким же недостатком и тем скорее он столкнется с тем, как воспринимает его большинство людей. Ему будут говорить, что ему будет легче среди «своих», – в результате он узнает, что те, кого он до сих пор считал «своими», на самом деле ему не «свои», а эти, ему пока чужие, – его настоящие «свои». Надо добавить, что если человеку с врожденной стигмой удастся пережить свои ранние школьные годы, все еще питая некоторые иллюзии, то зачастую истину ему открывают его первые попытки ухаживания или получения работы. В некоторых случаях речь идет просто о большей вероятности узнать это случайно:

«Думаю, впервые я осознала свое положение и впервые испытала из-за этого острую боль, когда однажды, будучи подростками, мы с ребятами совершенно случайно пошли на пляж. Я лежала на песке, и, наверное, ребята и девочки думали, что я сплю. Один из них сказал: «Доминика мне очень нравится, но я никогда не пошел бы куда-нибудь со слепой». Я не могу себе представить никакого другого предубеждения, которое означает столь полное твое неприятие».⁷²

В других случаях происходит систематическое узнавание – как, например, рассказывает больной церебральным параличом:

«Если не считать одного очень болезненного исключения, все время, что я жил под защитой семьи или школьных расписаний, – все время, что я жил, не пользуясь своими правами взрослого человека, силы общества были ласковыми и равными ко мне. И только после – в бизнес-школе и во время бесчисленных случаев участия в проектах местного сообщества в качестве добровольца, я постоянно натыкался на средневековые предрассудки и суеверия мира бизнеса.

⁷¹ Пример из жизни слепого можно найти в работе: R.Criddle, *Love Is Not Blind*, New York: W.W.Norton, 1953, p. 21; об аналогичном опыте карлика см. в работе: H.Viscardi, Jr., *A Man's Stature*, New York: The John Day Company, 1952, pp. 13-14.

⁷² Henrich and Krigel, *op. cit.*, p. 186.

Искать работу было все равно что ходить на расстрел. Работодателей шокировало, что у меня хватало наглости подавать документы на работу».⁷³

Третья модель социализации характерна для человека, который достаточно поздно приобрел стигму или узнал, что она всегда у него была: в первом случае это не ведет ни к каким радикальным изменениям в восприятии собственного прошлого, а во втором подобные изменения имеют место. Такой индивид составил себе представление о нормальных людях и стигматизированных задолго до того, как ему пришлось увидеть себя с этой стигмой. Вероятно, у него будут трудности с повторной идентификацией, и велика вероятность того, что он начнет не любить себя:

«До того, как у меня появилась колостома, меня очень раздражал запах в автобусе или метро. Я думал, что люди ужасны, что они не моются, что им надо было пойти помыться, прежде чем куда-то ехать. Я думал, что от них может пахнуть потому, что они так питаются. Меня это ужасно раздражало, они казались мне неряшливыми, грязными. Конечно, при первой же возможности я пересаживался, и если пересесть было некуда, все во мне протестовало. Так что, естественно, я думаю, что молодые люди чувствуют то же самое, когда от меня пахнет».⁷⁴

Хотя несомненно есть случаи, когда уже во взрослом возрасте люди обнаруживают, что принадлежат к стигматизированной родовой группе или что у их родителей «заразный» моральный недостаток, чаще подобный поздний «шок» случается с людьми с физическими недостатками:

«Но однажды я вдруг проснулась утром и обнаружила, что не могу стоять. Когда-то раньше у меня был полиомиелит, и вот это опять был он. Я была совсем как маленький ребенок, которого бросили в огромную, черную дыру, и единственное, что я знала наверняка – это что я не выберусь оттуда, если кто-нибудь мне не поможет. Все образование, лекции, знания родителей, полученные мною за двадцать четыре года, так и не сделали из меня человека, который мог бы мне хоть чем-то помочь теперь. Я была точно такой же, как все, – нормальной, задиристой, веселой, полной планов, и вдруг что-то случилось! Это что-то случилось, и я стала совсем другим, чужим. Более всего я была чужой для самой себя, чем для кого-то другого. Меня не узнавали даже мои сны. Они не знали, что им можно мне рассказывать; и когда я во сне танцевала или ходила на вечеринки, всегда в этом было что-то странное, какие-то ограничения – они не произносились вслух, и все же они там были. Я неожиданно испытала очень серьезное умственное и эмоциональное противоречие – как женщина, живущая двойной жизнью. Это ощущение было нереальным, оно меня озадачивало, и я не могла от него избавиться».⁷⁵

И здесь должен вмешаться врач и рассказать слабому человеку, что ему предстоит.

Четвертая модель описывает людей, которые первоначально прошли социализацию в другом сообществе – неважно, в географических ли границах нормального общества или за их пределами, и которые должны научиться новому образу жизни – настоящему и правильному для людей, которые окружают их теперь.

⁷³ Ibid., p. 156.

⁷⁴ C.Orbach, M.Bard and A.Sutherland. Fears and Defensive Adaptations to the Loss of Anal Sphincter Control // Psychological Review, XLIV (1957). P. 165.

⁷⁵ M.Linuska, *My Polio Past*, Chicago: Pellegrini and Cudahy, 1979, p. 177.

Добавим, что когда индивид обретает новое стигматизированное «я» в зрелом возрасте, неловкость, которую он испытывает по отношению к своему новому окружению, может постепенно смениться неловкостью по отношению к прежним товарищам. Люди, познакомившиеся с ним после появления стигмы, просто считают его человеком с изъяном; для людей, узнавших его до появления стигмы, помнящих его таким, каким он был раньше, может оказаться затруднительным проявить к нему как формальный такт, так и привычное дружеское участие:

«Моей задачей [как слепого писателя, расспрашивавшего потенциальных клиентов о своей литературной продукции] было сделать так, чтобы люди, к которым я пришел, почувствовали себя непринужденно – т.е. мне предстояло в корне изменить ситуацию. Забавно, что мне было легче это делать с людьми, которых я никогда не встречал прежде. Возможно, это было потому, что с посторонними людьми у нас не было никаких совместных воспоминаний, которые непременно всплывали бы перед тем, как мы перешли бы к делу, – и в результате не было неприятного контраста с настоящим».⁷⁶

Независимо от того, какая модель моральной карьеры свойственна стигматизированному индивиду, особенно интересной будет та фаза его опыта, когда он узнает о том, что он обладает стигмой, ибо в этот момент велика вероятность того, что он завяжет новые отношения с теми, у кого тоже есть эта стигма.

В некоторых случаях единственный контакт стигматизированного индивида с ему подобными оказывается весьма скоротечным – и тем не менее этого оказывается достаточно, чтобы показать ему, что есть такие же люди, как он:

«Когда Томми первый раз пришел в клинику, там были еще два маленьких мальчика, оба – с врожденным отсутствием одного уха. Когда Томми увидел их, он медленно поднес правую руку к своему больному уху, потом с широко раскрытыми глазами повернулся к отцу и сказал: «Там еще мальчик с ухом, как у меня».⁷⁷

Если физический недостаток появился у индивида недавно, его товарищи по несчастью, у которых больше опыта относительно того, как вести себя в данной ситуации, могут прийти к нему, подбодрить, позвать в свой клуб и научить, как управляться с тобой физически и психологически:

«Почти впервые я понял, что есть определенный механизм адаптации, когда увидел рядом с собой двух других пациентов в Больнице проблем уха и глаза. Они навещали меня, пока я был лежачим, и мы познакомились друг с другом довольно хорошо. Оба были слепыми уже семь лет. Они были примерно одного возраста – им было немногим более тридцати, и оба закончили университет».⁷⁸

Во многих случаях, когда стигматизация индивида связана с его нахождением в закрытом заведении – таком, как тюрьма, санаторий, приют, – многое из того, что он узнает о своей стигме, передается ему во время продолжительного тесного взаимодействия с товарищами по несчастью – когда он сам постепенно становится таким же, как они.

⁷⁶ Chevigny, *op. cit.*, p. 136.

⁷⁷ Macgregor et al., *op. cit.*, pp. 19-20.

⁷⁸ Chevigny, *op. cit.*, p. 35.

Как мы уже говорили, в моменты, когда индивид впервые узнает, кого он теперь должен считать своими, есть вероятность, что он почувствует некоторую двойственность своего положения: ведь они не только будут явно стигматизированными (и, следовательно, не будут нормальными – а он привык считать себя нормальным), но у них также могут оказаться и другие качества, с которыми ему будет трудно представить себя рядом. То, что может закончиться взаимопониманием, может начаться с содрогания. Яркий пример – рассказ ослепшей девочки, которая пришла в «Маяк» сразу после больницы:

«От моих вопросов о собаке-поводыре вежливо уклонялись. Работавший там человек, у которого было зрение, повел меня показать все вокруг. Мы были в библиотеке для слепых; в классах; в клубах, где собирались слепые члены музыкальных и драматических кружков; в зале, где по праздникам слепые танцуют со слепыми; в аллеях, где слепые играют друг с другом; в столовой, где слепые вместе едят; в огромных мастерских, где слепые зарабатывают на свое существование, мастера веники и щетки, плетеные коврики и стулья из тростника. Мы шли от комнаты к комнате, и я слышала легкий шорох ног, приглушенные голоса, потрескивание тростниковых прутьев. Здесь был безопасный, отгороженный от всех мир незрячих – как меня заверил социальный работник, совершенно иной мир, нежели тот, откуда я только что пришла.

Предполагалось, что я войду в этот мир. Что я откажусь от своей профессии и буду зарабатывать на жизнь, делая веники. В «Маяке» будут рады научить меня делать веники. Я должна буду провести всю свою оставшуюся жизнь, делая веники с другими слепыми, обедая со слепыми, танцуя со слепыми. Мне стало нехорошо от страха, когда я представила это. Никогда прежде я не встречала столь деструктивной изоляции».⁷⁹

Учитывая двойственность, которой сопровождается отождествление индивида с его стигматизированной категорией, легко понять, что в его поддержке своих, идентификации себя с ними, общении с ними возможны колебания. Здесь будут иметь место «циклы аффилиации» [affiliation cycles], в ходе которых он научится соглашаться с особыми возможностями, которые дает членство в данной группе, или отказываться от них после того, как однажды принял их.⁸⁰ Например, подростки (и старшеклассники) могут четко отказываться отождествлять себя с собственной группой в пользу отождествления себя с группой нормальных.⁸¹ Эти перемены в самоощущении и убеждениях являют собой более поздние фазы моральной карьеры индивида.

Таким образом, очень важную роль играет связь стигматизированного индивида с неформальным сообществом и формальными организациями «своих». Например, здесь будет огромная разница между теми, в чьей ситуации

⁷⁹ Keitlen, *op. cit.*, pp. 37-38. Описание начальных трудностей больного полиомиелитом при идентификации себя с такими же калеками в больнице см. Linduska, *op. cit.*, pp. 159-165. Художественный рассказ о расовой ре-идентификации см. J.W.Johnson, *The Autobiography of an Ex-Coloured Man*, rev. ed., New York: Hill and Wang, American Century Series, 1960, pp. 22-23.

⁸⁰ Общее описание этого явления можно найти в двух работах Э.Хьюза: E.C.Hughes, 'Social Change and Status Protest', *Phylon*, First Quarter, 1949, pp. 58-65, и 'Cycles and Turning Points', in *Men and Their Work*, New York: Free Press of Glencoe, 1958.

⁸¹ M.Yarrow, 'Personality Development and Minority Group Membership', in M.Sklare, *The Jews*, New York: Free Press of Glencoe, 1960, pp. 468-470.

непохожести на других возможно очень малое число «своих», и теми, кто, как представители различных меньшинств, являются частью хорошо организованного сообщества с длительными традициями – сообщества, имеющего внятную позицию относительно лояльности и доходов и определяющего своих членов как людей, которые должны гордиться своей болезнью и не стремиться исправить ситуацию к лучшему. В любом случае – является стигматизированная группа институционально сложившейся или нет – в значительной мере именно по отношению к группе «своих» возможно говорить о естественной истории и моральной карьере стигматизированного индивида.

Анализируя свою моральную карьеру, стигматизированный индивид может вычленил и задним числом достроить опыт, на основании которого он объясняет свои убеждения и практики в отношении «своих» и нормальных. Таким образом, то или иное событие его жизни может иметь двойное значение для его моральной карьеры: сначала – как непосредственная объективная причина реального переломного момента, а затем (и это легче показать) – как средство объяснения ныне занимаемой позиции. Примером опыта, который часто служит для последней цели, является опыт, в ходе которого индивид, недавно приобретший стигму, узнает, что полновесные члены данной группы – совершенно такие же, как обычные люди:

«Когда я [молодая девушка, решившая ступить на путь порока и идущая на встречу с содержательницей заведения] пришла на Четвертую улицу, решимость опять оставила меня, и я уже почти развернулась, чтобы бежать обратно, из ресторана напротив вдруг появилась Мэми и тепло поздоровалась со мной. Швейцар, открывший дверь на наш звонок, сказал, что Мисс Лора у себя в комнате, и показал, как к ней пройти. Я увидела привлекательную женщину средних лет, совсем не походившую на те ужасные образы, что рисовало мне мое воображение. Она поздоровалась со мной, голос ее был мягким, хорошо поставленным, и все в ней так красноречиво говорило о ее способности к материнству, что я инстинктивно оглянулась посмотреть, нет ли в комнате детей, которые вот-вот прильнут к ее юбке».⁸²

Другой пример – рассказ гомосексуалиста о том, как он стал таким:

«Я повстречал мужчину, с которым мы вместе учились в школе... Конечно, он сам тоже был голубым и считал само собой разумеющимся, что и я такой же. Меня это удивило и озадачило. Он совсем не походил на расхожий образ гомосексуалиста – у него была хорошая мужественная фигура, он был хорошо одет. Это было для меня чем-то новым. Хотя я с готовностью признавал, что между мужчинами возможна любовь, те явные гомосексуалисты, которых я встречал прежде – с их нарочитостью, экзальтированными манерами, бесконечным щебетанием – вызывали у меня легкое отвращение. Но, как оказалось, это была лишь малая, хотя и самая заметная, часть гомосексуального мира...»⁸³

Похожую историю рассказывает и калека:

«Если бы мне пришлось выбирать переживания, которые убедили бы меня в серьезности этой проблемы [собственного образа], и если бы мне пришлось сражаться за собственную идентификацию, то это были бы события, которые заставили меня понять, всей душой понять, что калеки имеют и другие

⁸² *Madeline, An Autobiography*, New York: Pyramid Books, 1961, pp. 36-37.

⁸³ P. Wildeblood, *Against the Law*, New York: Julian Messner, 1959, pp. 23-24.

качества помимо своего физического недостатка. Я смог увидеть, что калеки могут быть привлекательными, милыми, уродливыми, хорошенькими, глупыми, яркими – так же, как все люди, и я обнаружил, что я мог любить или ненавидеть калеку невзирая на его увечье».⁸⁴

Возвращаясь к ситуации, когда человек обнаруживает, что люди с такой же стигмой, как у него, – такие же люди, как все, можно добавить, что индивид может позднее пережить и другую ситуацию: когда его друзья, знавшие его до появления стигмы, будут считать неполноценными людьми тех, кого он сам уже научился считать такими же полноценными людьми, как и он сам. Так, вспоминая свой опыт работы в цирке, молодая девушка говорит, что сначала она обнаружила, что ее товарищи по работе – не гомосексуалисты, не наркоманы и не придурковатые, а потом – что ее прежние друзья боялись, что она будет путешествовать в одном автобусе с другими членами труппы.⁸⁵

Другой переломный момент, – который понимаешь если не сразу, то задним числом, – это опыт изоляции, когда ты беспомощен; часто это период госпитализации, который впоследствии воспринимается как время, когда индивид мог осмыслить свою проблему, узнать себя, разобраться в ситуации и заново понять для себя, что важно и к чему следует стремиться с жизни.

Надо добавить, что в качестве таких переломных моментов задним числом воспринимается не только собственный опыт, но и вторичный опыт. Например, чтение литературы о группе, к которой ты принадлежишь, может оказаться таким опытом – опытом, который воспринимаешь как свой и который ведет к реорганизации сознания:

«Думаю, не будет преувеличением сказать, что «Хижина дяди Тома» – честная и правдивая панорама рабства; как бы то ни было, она открыла мне глаза на то, кто я и что я, и кто я для своей страны; она повлияла на формирование моей позиции».⁸⁶

ЧАСТЬ 2. КОНТРОЛЬ НАД ИНФОРМАЦИЕЙ И СОЦИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ (ГЛАВЫ 3 – 6).

Зримость (*visibility* – видимость, заметность, возможность увидеть)

Возможность внушить информацию своей внешностью традиционно связана с проблемой «зримости» той или иной стигмы – иными словами, с тем, насколько хорошо эта стигма способна сообщать о том, что данный индивид обладает ею. Например, выздоровевшие душевнобольные и неженатые будущие отцы похожи в том, что этот их статус не сразу заметен; и, напротив, мы сразу замечаем слепого. Конечно, решающую роль здесь играет зримость. Для индивида чрезвычайно важно, что именно его внешность постоянно сообщает о его социальной идентичности всем, с кем он пересекается. Последствия подобной самопрезентации, когда индивид волей-неволей представляет себя широкой публике, могут быть не столь значительны в случае отдельно взятых

⁸⁴ Carling, *op. cit.* p. 21.

⁸⁵ C. Clausen, *I Love You Honey But the Season's Over*, New York: Holt, Rinehart & Winston, 1961, p. 217.

⁸⁶ Johnson, *op. cit.*, p. 42. Роман Джонсона, как и другие романы такого рода, является хорошим примером сочинения мифов: это литературная обработка большого количества переживаний морального характера и описание переломных моментов, которые задним числом постигают стигматизированные индивиды.

контактов. Однако каждый контакт ведет к тем или иным последствиям, и все вместе они могут быть весьма существенны. Имеющаяся обыденная информация об индивиде составляет основу, от которой он отталкивается, выбирая свою линию поведения соответственно видимой стигме. Именно в силу этих причин, любое изменение в том, как индивид презентует себя (что происходит всегда и везде), жизненно важно. Вероятно, в первую очередь этот факт и навел греков на мысль о стигме.

Поскольку мы замечаем стигму других людей, как правило, посредством зрения, термин «зримость» здесь, наверное, порождает меньше всего недоразумений. Вообще-то, точнее здесь был бы более общий термин «возможность восприятия» [perceptability], а лучше – «заметность» [evidentness]. В конце концов, заикание – очень «зримый» [visible] недостаток, но мы замечаем его прежде всего на слух, а не зрительно. Однако, прежде чем использовать понятие «зримости» даже с этими оговорками, необходимо четко отделить его от трех других идей, с которыми его часто путают.

Во-первых, зримость стигмы следует отличать от «знания-о-её-существовании». Когда стигма того или иного индивида очень заметна, сам факт его контакта с другими людьми делает эту стигму им известной. Однако, помимо зримости в настоящий момент, есть и другой фактор, определяющий, известно ли другим о стигме данного индивида. Этот фактор – наличие у них какой-либо предварительной информации о нем; это могут быть сплетни или более ранний контакт, во время которого стигма так или иначе проявлялась.

Во-вторых, видимость следует отличать от «навязчивой заметности» [obtrusiveness] – последняя принадлежит к группе черт, первичных по отношению к зримости стигмы. Даже когда стигма воспринимается сразу же, нельзя сказать наверняка, как сильно она повлияет на ход взаимодействия. Например, на деловой встрече сразу же замечаешь участника в инвалидной коляске, однако когда все сидят за столом, порою довольно легко забываешь о том, что он инвалид. С другой стороны, стоит человеку с дефектом речи (т.е. значительно менее беспомощному по сравнению с тем, кто в инвалидной коляске) раскрыть рот, и его недостаток тут же станет очевиден; он будет постоянно напоминать о себе в течение всего разговора. Сама механика восприятия на слух постоянно притягивает внимание к этому недостатку, требуя ясного и скорого ответа – который постоянно поступает с запозданием. Можно добавить, что один и тот же недостаток может проявляться по-разному (степень его «навязчивой заметности» будет различной). Например, слепой, передвигающийся с белой тросточкой, совершенно очевидно показывает свою слепоту; однако, стоит нам однажды обратить внимание на этот стигматизирующий символ, и в дальнейшем мы можем порой не замечать его, равно как и то, что он обозначает. Однако то, что слепой человек не оборачивает лица к собеседнику и тем самым раз за разом не соблюдает этикет общения, постоянно нарушает механизм обратной связи в случае устного взаимодействия.

В-третьих, зримость стигмы (так же, как и ее «навязчивую заметность») следует отличать от возможности воспринять ее, так сказать, «средоточие» [perceived focus]. Как правило, мы вырабатываем определенные представления – неважно, объективно обоснованные или нет – относительно того, для какой сферы жизнедеятельности данная стигма делает носящего ее индивида непригодным. Например, уродливость имеет значение прежде всего в ситуациях социальных, ибо лишает нас удовольствия, которое мы могли бы получить от

общения с этим человеком, будь он красивым. Мы видим, однако, что это качество никак не скажется на компетентности этого человека при выполнении им тех или иных задач в изоляции от других людей; хотя, конечно, и здесь мы можем быть настроены против него просто потому, что нам неприятно на него смотреть. Значит, уродливость является стигмой, сосредоточенной в социальных ситуациях. Другие стигмы, скажем, заболевание диабетом⁸⁷, сначала никак не влияют на восприятие нами данного индивида при близком общении с ним. Они заставляют нас иначе относиться к носящему их индивиду (например, при назначении его на рабочее место) и влияют на непосредственное социальное взаимодействие только в случае, если, например, стигматизированный индивид попытался утаить свою особенность и не уверен, что ему это удалось, или если другие знают о ней и мучительно пытаются ее не замечать. Многие стигмы занимают промежуточное положение между этими двумя крайностями с точки зрения своего «средоточия»; факт их восприятия сразу оказывает влияние на многие сферы жизни. Например, больной церебральным параличом может тяготить нас в случае непосредственной коммуникации⁸⁸, при этом мы также можем сомневаться в его способности выполнить ту или иную работу в одиночку.

Таким образом, проблему зримости следует отличать от некоторых других вопросов: «знания-о-существовании» данного качества, его «навязчивой заметности» и «воспринимаемого средоточия». При этом мы не касаемся негласного предположения о том, что в процесс разглядывания так или иначе будет вовлечена публика в целом. Однако, как мы увидим ниже, среди этих людей могут оказаться и специалисты по раскрытию идентичности, чья подготовка позволяет сразу же замечать то, что непрофессионал оставит без внимания. Врач, повстречавший на улице мужчину с воспаленной покрасневшей роговницей глаз и неровными зубами, сразу идентифицирует в нем человека, у которого два явных признака синдрома Хатчинсона и, может быть, сифилис. Другие люди, также видевшие этого человека, но не имеющие медицинского образования, не обратят на него особого внимания. Таким образом, в целом, прежде чем говорить о степени зримости [стигмы], следует обозначить способность аудитории к декодированию.

Биография

Независимо от того, хранится ли биография индивида в памяти его близких или в личном деле по месту работы, осуществляется ли хранение информации о собственной идентичности людьми или предоставлено бумагам, человек является сущностью, в отношении которой можно фиксировать определенные факты – тетрадь, где он может марать листы, покрывая их описаниями своих деяний, всегда к его услугам. Человек неизбежно является объектом биографического описания⁸⁹.

Хотя социальные ученые и обращались к анализу биографии, особенно ее формы, описывающей продвижение по карьерной лестнице, общим характеристикам этого понятия уделялось недостаточно внимания; исключение

⁸⁷ 'A Reluctant Pensioner', 'Unemployed Diabetic', in P. Toynbee (ed.) *Underdogs*. London: Weidenfeld and Nicolson, 1961. Chap. 9, pp. 132-146.

⁸⁸ Т.е. в ситуации взаимодействия лицом к лицу. Прим. перев.

⁸⁹ Я очень благодарен Г. Гарфинкелю, указавшему мне то значение термина «биография», которое используется в данной книге.

составляет констатация того факта, что порою биография в значительной мере конструируется задним числом. Социальная роль как понятие и как формальный элемент социальной организации была тщательно исследована, однако биография оставалась без внимания.

Говоря о биографиях, прежде всего, необходимо отметить, что мы исходим из того, что у индивида может быть только одна биография; этот факт гарантирован не столько законами общества, сколько законами физики. Как наглядно показывает история, описанная в мюзикле «Доктор Джекил и мистер Хайд»⁹⁰, все, что когда-либо делал и в принципе способен сделать индивид, понимается как факт, могущий быть вписанным в его биографию, даже если мы нанимаем частного детектива, специалиста по составлению биографий, чтобы он восполнил недостающие факты и соединил их между собой. Каким бы негодяем ни был человек, сколь бы лживым, скрытным или разорванным ни казалось его существование, сколько бы взлетов, падений и повторов нам ни виделось в нем, подлинные факты его деятельности не могут противоречить друг другу и быть не связанными между собой. Обратите внимание на яркий контраст между всеобъемлющей единственностью линии жизни и множественностью «я» (самостей), которую мы обнаруживаем в одном индивиде, если посмотрим на него с точки зрения выполняемых им социальных ролей: при условии, что роль и аудитория четко разграничены, ему довольно легко удастся сохранять одновременно несколько своих «я» и порою даже говорить, что он – уже не тот, кем был когда-то.

Эти исходные положения о природе идентичности личности [personal identity] выводят нас на фактор, важный в подобных рассуждениях, – речь идет о степени «информационной связанности» [informational connectedness]. Если мы знаем основные социальные факты о том или ином человеке (наподобие тех, что сообщаются в некрологах), можем ли мы сказать, насколько тесно они связаны друг с другом или, напротив, насколько они друг от друга далеки, – если при измерении мы руководствуемся тем, как часто знающие один факт знают и другой? На более общем уровне: если мы знаем основные социальные факты о данном индивиде, то в какой мере те из нас, кому известны некоторые из этих фактов, знают и многие другие?

Следует различать искажение социальной репрезентации идентичности и искажение личной репрезентации идентичности. Бизнесмен из высшего среднего класса, пытающийся наверстать упущенный уик-энд, одевшись «попроще» и отправившись на дешевый летний курорт, искажает свою социальную идентичность; прописываясь в мотеле под именем мистера Смита, он искажает свою личную идентичность. И, независимо от того, идет ли речь о социальной или личной идентичности, можно отличить самопрезентацию [предполагающую искажение идентичности], имеющую целью доказать, что этот человек является тем, кем он на самом деле не является, от

⁹⁰ Мюзикл по мотивам новеллы Р.Стивенсона «Странная история доктора Джекилла и мистера Хайда» (1886) [Пер. И.Гуровой. Собр. соч. в 5 тт. Т. 2. М.: Правда, 1967]. Талантливый врач, Генри Джекилл, опечаленный душевной болезнью своего отца, пытается разделить злое и доброе начала, которые постоянно соперничают в каждом человеке. Однако в результате эксперимента он вызывает к жизни Эдварда Хайда – свое злобное альтер эго, убийцу, наводящего страх на весь Лондон и насмехающегося над исследованиями Джекилла. <http://www.imagination.com/moonstruck/albm49.html>. Прим. перев.

самопрезентации, имеющей целью доказать, что этот человек не является тем, кто он есть на самом деле.

В целом, как уже подразумевалось ранее, нормы в отношении социальной идентичности связаны с типами ролевых репертуаров или совокупностью образов [profiles], которые мы считаем позволительными для того или иного конкретного индивида, – или, по выражению Ллойда Уорнера, с «социальной индивидуальностью» [social personality]⁹¹. Мы не ожидаем, что в игре в пул будет жульничать женщина или академический ученый, но не удивимся, если таким жуликом окажется рабочий-итальянец или негр из городских кварталов. Однако нормы в отношении *личной* идентичности касаются не диапазона допустимых комбинаций социальных качеств, а типа информационного контроля, доступного данному индивиду. Темное прошлое для индивида – проблема, связанная с его социальной идентичностью; однако то, как он распоряжается информацией относительно своего прошлого, – вопрос личной идентификации. Обладать странным прошлым (странным, конечно, не самим по себе, а для социального окружения, соответствующего нынешней идентичности индивида) – «неправильно» в одном смысле; прожить жизнь обладателя подобного прошлого на глазах у тех, кому о нем неизвестно, может быть «неправильным» совершенно в другом смысле: в первом случае затронуты правила социальной идентичности, во втором – личной.

Среди представителей среднего класса ныне заметна определенная тенденция: чем больше индивид отклоняется в нежелательную сторону от того, чем, по мнению окружающих, он в действительности должен являться (того, что от него ожидается), тем в большей степени он должен делиться информацией о себе, даже если цена подобной откровенности возрастает для него пропорционально степени отклонения. (С другой стороны, сокрытие индивидом чего-либо, что следовало бы обнародовать, не дает нам права задавать ему вопросы, которые заставят его сказать правду или заведомо солгать. Если мы все же задаем ему такой вопрос, возникает двойная неловкость: нам неудобно за собственную бестактность, ему – за утаивание информации. Он может также переживать и из-за того, что в результате его действий мы чувствуем себя виноватыми в том, что поставили его в неловкое положение.) И здесь получается, что право утаивать что-либо можно заслужить, лишь ничего не скрывая.⁹² Похоже также, что для того, чтобы управлять своей персональной идентичностью, индивиду необходимо знать, кому он должен рассказывать о себе много, а кому – почти ничего (при этом не исключено, что в обоих случаях он должен воздерживаться от «откровенной» лжи). Предполагается также, что ему потребуется определенная «память» – т.е., в данном случае, точный и ясный отчет в его сознании о фактах прошлого и настоящего, которыми он может быть обязан поделиться с другими.⁹³

Рассмотрим теперь отношения между персональной идентичностью и социальной идентичностью и попытаемся выявить некоторые наиболее явные взаимосвязи.

⁹¹ Warner, W.L. 'The Society, the Individual, and His Mental Disorder', *American Journal of Psychiatry*, XCIV (1937), 278-9.

⁹² В ярком контрасте с этим моральные нормы Старого Запада: прошлое человека и его настоящее имя считались полноценной частной собственностью. См., например: Adams R., *The Old-Time Cowboy*. N.Y.: The Macmillan Company, 1961. P. 60.

⁹³ Социологическую схему анализа памяти в целом см.: Bartlett F.C., *Remembering*. Cambridge: Cambridge University Press, 1961.

Очевидно, что при конструировании персональной идентичности индивида мы обращаемся – наряду со всей прочей связанной с ним информацией – и к определенным аспектам его социальной идентичности. Очевидно также, что способность идентифицировать индивида на персональном уровне предоставляет нам своего рода устройство памяти [memory device], позволяющее организовывать и объединять информацию о его социальной идентичности; и в ходе этого процесса значение приписываемых социальных характеристик может неуловимо меняться.

Можно предположить, что обладание каким-то постыдным скрытым недостатком становится более значимым, когда люди, от которых данный индивид его утаил, – не посторонние ему, а друзья. Открытие подобного недостатка вредит не только нынешней социальной ситуации, но и сложившимся отношениям; задето не только нынешнее представление об этом человеке в глазах окружающих, но и будущее; рассматриваются не только видимости [appearances], но и репутация в целом. Стигма и попытка скрыть или исправить ее становятся «закрепленной» [fixed] частью персональной идентичности. Именно поэтому мы с большей готовностью ведем себя неподобающим образом, прикрывшись маской⁹⁴ или вдали от дома; именно поэтому мы гораздо легче публикуем откровенные материалы анонимно или делаем публичные заявления перед небольшим узким кругом лиц – мы предполагаем, что публика в целом не свяжет раскрытие того или иного факта лично с нами. Поучительный пример в этом отношении являет собой недавно появившаяся информация об Обществе Маттачин – [американской] организации [1951-1976]⁹⁵, добивавшейся улучшения положения гомосексуалистов, в том числе при помощи издания журнала. Очевидно, что деятельностью, предназначенной для публики, может заниматься расположенное в офисном здании отделение фирмы, при этом другие обитатели здания будут не в курсе того, какие шаги предпринимаются в этом отношении и кем.⁹⁶

Биографические другие

Как и социальная идентичность, личностная идентичность служит для индивида критерием, на основании которого он делит мир других. В первую очередь это деление на знающих и незнающих. Знающие – это те, кто владеет информацией о персональной идентификации индивида; им достаточно увидеть его или услышать его имя, и эта информация сразу же вспомнится. Незнающие – это те, для кого данный индивид – совершеннейший посторонний, моменты биографии которого еще никак не зафиксированы в их памяти.

Индивид, известный другим, может знать об этом, а может и не знать; в свою очередь, другие также не обязательно знают, известно ли ему о том, что они его знают. Более того, индивид может полагать, что другим о нем ничего не известно, но он никогда не может быть в этом уверен. Кроме того, если ему известно, что они его знают, он, хотя бы в какой-то степени, должен знать их;

⁹⁴ Не только бандиты или куклуксклановцы надевают маски, дабы не быть узнаваемыми. Недавно на слушании дела по уголовному преступлению в штате Вашингтон бывшим наркоманам разрешили давать показания, прикрывшись маской, причем не только для того, чтобы не быть публично узнаваемыми, но и чтобы отсечь возможность мести.

⁹⁵ Кон И.С. Любовь небесного цвета // <http://sexology.narod.ru/chapt1108.html>. Прим. перев.

⁹⁶ Stearn J. The Sixth Man. N.Y.: McFadden Books, 1962. P. 154-155.

однако же если ему неизвестно, что они его знают, то ему может быть известно о них в связи с какими-то другими событиями – но также он может такой информацией и не располагать.

Все это может иметь значение и независимо от того, *в какой степени* он известен или не известен, – ведь то, как индивид управляет своей социальной и личностной идентичностью существенно варьируется в зависимости от того, известно ли о нем окружающим и, если да, известно ли ему об этом.

Когда индивид находится среди людей, совершенно его не знающих, его поведение имеет значение только с точки зрения его социальной идентичности, проявляемой непосредственно данный момент. И совершенно случайно определяется, начнут ли они фиксировать для себя моменты его личностной идентичности (по крайней мере, запомнят ли они, что видели, как в данном контексте он вел себя именно таким образом), или вообще воздержатся от какой бы то ни было организации своих знаний о его личностной идентичности и их хранения (последнее присуще полностью анонимной ситуации). Заметьте: хотя ситуации на улицах в крупных городах анонимны для тех, чье поведение ничем не выделяет их из общей массы, эта анонимность биографична, – едва ли существует полная анонимность социальной идентичности. Можно добавить, что всякий раз, когда индивид присоединяется к той или иной организации или сообществу, в структуре знания о нем – ее характере и распределении – происходит заметная перемена; соответственно меняются и случайные стечения обстоятельств в области контроля за информацией.⁹⁷ Например, каждый бывший душевнобольной столкнется с тем, что ему придется встречать своих знакомых по больнице и здороваться с ними в присутствии кого-то третьего, кто поинтересуется: «А кто это был?». Может быть, еще более важно то, что он столкнется с ситуацией, когда он не знает, что его знают – т.е. встретит людей, владеющих информацией о его личностной идентичности и знающих его, в то время как ему будет неизвестно, что они знают о нем и о его прошлой болезни.

Перцептивный акт «помещения» индивида в систему координат согласно его социальной идентичности или личностной идентичности я буду называть *когнитивным распознаванием* [cognitive recognition]. Широко известно, что функция многих служащих, осуществляющих контроль за доступом к каким-либо ресурсам, возможна именно в силу распознавания ими социальной идентичности индивидов. Менее широко известно, что распознавание персональной идентичности является формальной функцией некоторых организаций. Например, от банковских служащих часто ожидается, что они овладеют навыком подобного распознавания своих клиентов. А, например, в британских преступных кругах есть позиция так называемого «зеваки», который устраивается на улице неподалеку от входа в незаконное заведение и, идентифицируя почти всех прохожих на персональном уровне, может предупредить о появлении кого-то подозрительного.⁹⁸

В кругу людей, владеющих биографической информацией о данном индивиде – т.е. в людей, знающих его, – существует более узкий круг лиц, знакомых с ним «социально» – немного или близко, на равных или нет. Как мы

⁹⁷ Пример исследования контроля за информацией о себе [self] см. J. Henry, 'The Formal Structure of a Psychiatric Hospital', *Psychiatry*, XVII (1954), с. 139-52, особенно с. 149-50.

⁹⁸ Описание функций такого «зеваки» можно найти в работе Phelan J. *The Underworld*. London: George G. Harrap, 1953. Chap. 16, pp. 175-186.

уже говорили, они не только знают «его» или что-то «о нем», но они также знают его «лично». У них есть право и они обязаны обмениваться с ним приветственными кивками головы или парой слов, если они оказываются с ним в одной социальной ситуации. Тем самым они осуществляют его *социальное распознавание*. Конечно, бывают случаи, когда один индивид распознает другого социально (или тот распознает его), не зная его на личностном уровне. В любом случае, понятно, что когнитивное распознавание – это просто акт восприятия [act of perception], в то время как социальное распознавание – это роль индивида в церемонии коммуникации.

Социальное знакомство или знание человека лично всегда взаимны, хотя, конечно же, один или оба участника знакомства могут на время забыть, что они знакомы, точно так же, как один или оба могут помнить о факте знакомства, но на время забыть почти все о личностной идентификации.⁹⁹

Рассмотрим индивида, живущего деревенской жизнью, – неважно, живет ли он реально в городе или в деревне. Людей, просто знающих о его существовании, будет немного; более вероятно, что те, кому о нем что-то известно, будут знакомы с ним и на личностном уровне. И напротив, понятие «слава» [fame] означает возможность, что круг людей, которым что-то известно о данном индивиде, особенно в связи с его каким-то редким завидным достижением или имуществом, станет очень широким, причем он будет значительно шире, чем круг людей, знакомых с ним лично.

Прием, оказываемый данному индивиду на основе его социальной идентичности, часто учитывает и особое уважение или терпимость, возможные по отношению к известному человеку на основании его персональной идентичности. Подобно жителю маленького городка, он всегда будет совершать покупки там, где его знают. Как полагает один молодой актер, сам факт его когнитивного узнавания посторонними людьми в общественных местах может быть источником удовлетворения:

«Когда я только стал немного известным, и выдавался какой-то унылый день, я говорил себе: «Что ж, думаю, стоит пойти прогуляться, пусть меня узнают».¹⁰⁰

Подобные случайные мимолетные приветствия, видимо, являются одной из причин стремления людей к славе; этим же можно объяснить и то, почему от некогда обретенной славы порою прячутся. Дело здесь не только в досаждающем внимании репортеров, охотников за автографами или оборачивающихся прохожих, но и в том, что слава расширяет диапазон поступков, стоящих того, чтобы включить их в «новости». Для знаменитого человека «уйти» куда-то, где он может «быть самим собой», означает, что он находит сообщество, которому не известна его биография; здесь его поведение, отражающее лишь его социальную идентичность, может не вызвать у окружающих никакого интереса. Напротив, одной из сторон пребывания «на сцене» является поведение, предполагающее контроль за возможными последствиями для биографии, однако в данном случае это делается и в сферах, традиционно не предоставляющих фактов для включения их в биографию.

⁹⁹ Более подробное исследование явления знакомства и типов распознавания см. Goffman E. *Behavior in Public Places*. New York: Free Press of Glencoe, 1963. Chap. 7, pp. 112-123.

¹⁰⁰ Anthony Perkins, in Ross L. 'The Player-III', *The New Yorker*, 4 November 1961, 88.

В повседневной жизни среднего человека есть продолжительные периоды времени, когда происходящие с ним события никто не запоминает; эта часть его биографии не активна, она носит технический характер. Лишь серьезные личные происшествия или факт присутствия при убийстве создают моменты, позволяющие этим «мертвым» периодам занять определенное место в памяти данного индивида и его окружающих в качестве части его прошлого. (По сути, «алиби» – это обнародованная часть биографии, которая в обычных условиях вообще не вошла бы ни в чью биографию.) С другой стороны, у известных людей, чье биографическое описание занимает целую книгу, и особенно у таких, как члены королевских семей, – т.е. тех, кому суждена известность с самого рождения, лишь немногие периоды жизни смогут остаться в тени и не войти в активную часть их биографии.

Рассуждая о славе, полезно и уместно рассмотреть также так называемую дурную славу или скандальную репутацию. Они возникают, когда есть круг людей, знающих об индивиде плохое и не знакомых при этом с ним лично. Очевидной функцией дурной славы является социальный контроль, причем можно выделить два его типа.

Прежде всего, это формальный социальный контроль. Существуют чиновники и целые группы чиновников, специально нанятых для того, чтобы следить за публикой с целью обнаружения в ней индивидов с подозрительной биографией и репутацией или даже тех, кто объявлен «в розыск». Например, в ходе исследования в клинике для душевнобольных я познакомился с пациентом, обвиненным в заигрывании с маленькими девочками и приговоренным к условному заключению и невыезду из города. Если он входил в соседний кинотеатр, служащий тут же узнавал его и прогонял. Его дурная репутация была слишком хорошо известна, чтобы он мог ходить в окрестные кинотеатры. Широко известные нарушители порядка сталкивались с той же проблемой, однако в этом случае масштаб был более серьезным, и служащие кинотеатров роли здесь уже не играли.

Именно на этом уровне мы находим примеры случаев, когда возникает целая профессия по созданию личностной идентичности. Например, администраторы универсамов порою располагают обширными данными о внешности профессиональных грабителей магазинов, а также информацией об их обычном образе действия. Производство личностной идентичности может быть самостоятельным мероприятием, как, например, полицейская процедура опознавания подозреваемого. Ч.Диккенс, описывая социальное смешение заключенных и посетителей в лондонской тюрьме, приводит другой пример, так называемое «позирование для портрета»: новый заключенный должен сидеть на стуле, а охранники собираются и смотрят на него, запоминая его внешность, с тем, чтобы суметь опознать его в дальнейшем.¹⁰¹

Служащие, в чьи обязанности входит проверять возможное присутствие лиц с дурной репутацией, могут действовать не в условиях конкретных социальных образований [social establishments], а на уровне широкой аудитории – например, полицейские сыщики действуют в масштабе всего города, но при этом не являются частью этой аудитории. И здесь мы выходим на второй тип социального контроля, основанного на дурной славе: это неформальный

¹⁰¹ Dickens Ch., Pickwick Papers, Vol. III, Chap. 2.; Диккенс Ч. Посмертные записки Пиквикского клуба. Собр. соч. в 10 тт. Т. 1. С. 516 / Пер. А.В. Кривцовой и Е. Ланна. М.: Художественная литература, 1982.

контроль, в котором участвует общественность в целом; в этом случае и добрая слава, и дурная слава ставят людей примерно в схожее положение.

Возможно, что круг людей, знающих данного индивида (но незнакомых ему), будет включать общественность в целом, а не только лиц, в работу которых входит опознание других людей. (По сути, понятия «слава» и «дурная слава» подразумевают, что население в целом должно представлять себе некий образ данного индивида). Без сомнения, средства массовой информации играют здесь ведущую роль, позволяя «частному» лицу становиться «общественной» фигурой.

Похоже, что образ индивида в глаза общества, т.е. его образ в глазах тех, кто не знаком с ним лично, несколько отличается от того образа, который он сообщает в ходе непосредственного взаимодействия своим личным знакомым. Общественный образ индивида – если таковой существует – составлен из небольшого набора фактов (не исключено, что и истинных), которые раздуты до существенных событий, достойных внимания, и подаются как полная характеристика данного человека. В результате может возникнуть особый тип стигматизации. Тот человек, которого видят люди в повседневном взаимодействии, сжимается и искажается под давлением виртуальных требований (как удобных этому человеку, так и не очень), накладываемых его публичным образом. Особенно велика вероятность этого, когда человек уже не участвует в крупных событиях, освещаемых прессой, и повсюду сталкивается с тем, что он уже не тот, кем был когда-то. Это возможно также, если дурная слава прилипла к нему в результате краткого, несвойственного ему, случайного события, выставившего индивида для публичной идентификации и лишившего его возможности притязать на желательные свойства в качестве компенсации за недоразумение.¹⁰²

Эти рассуждения подразумевают, что у людей, известных с хорошей стороны, и людей, славящихся своей дурной репутацией, гораздо больше общего между собой, чем у тех или у других – с теми, кого журналисты-«охотники за головами» и ведущие колонок светских новостей называют «ником» – ибо в обоих случаях (неважно, хочет ли толпа выразить свою любовь или ненависть к индивиду) происходит нарушение обычных ходов взаимодействия. (Подобное отсутствие анонимности можно противопоставить типу отсутствия анонимности, основанному на социальной идентичности, когда индивид с физическим недостатком постоянно ощущает на себе взгляды окружающих.) И имеющие дурную репутацию палачи, и любимые публикой актеры находят удобным садиться в поезд на каком-нибудь неизвестном полустанке или использовать в одежде некоторые элементы маскарада¹⁰³; индивиды могут прибегать к различным хитростям, чтобы избежать враждебного внимания публики, – так же, как прежде они использовали

¹⁰² В сфере права усилия индивида сохранить свою гражданскую приватность или вновь обрести статус, где это возможно, стали частью вопроса о границах личной жизни [privacy]. Полезный образ можно найти в работе: Ernst M. and Schartz A. *Privacy: The Right to Be Let Alone*. New York: The Macmillan Company, 1962.

¹⁰³ См.: Atholl J., *op.cit.* [J.Atholl. *The Reluctant Hangman*. London: John Long, Ltd, 1956. Chap. 5, 'The Public and the Press'. О том, как знаменитости избегают контактов, см.: Vainbridge J. *Garbo*. New York, Dell, 1961, особенно сс. 205-206. Описание современных способов – например, изменение внешности при помощи париков звездами кино, обычно носящими свои естественные волосы, см. Lieber L. 'Hollywood's Going Wig Wacky', *This Week*, 18 February 1962.

подобные хитрости, чтобы укрыться от угодливого внимания. В любом случае в биографиях и автобиографиях знаменитостей (как положительных персонажей, так и отрицательных) легко обнаружить информацию об управлении персональной идентичностью.

Таким образом, индивида можно рассматривать как центральную точку в кривой статистического распределения лиц, лишь знающих о его существовании или знакомых с ним лично, причем все они владеют разным объемом информации о нем. Позвольте мне повторить, что хотя повседневные взаимодействия индивида неизменно включают индивидов, знающих его в различной степени, никто не занимается сопоставлением этих различий; по сути, поддерживается некая единая биографическая структура. Отношение человека к своему начальнику может быть совершенно иным, чем его отношение к ребенку, поэтому он не может с легкостью играть роль наемного работника, исполняя роль отца. Однако если же человек, гуляющий со своим ребенком, повстречает начальника, он сможет поприветствовать его, и присутствие рядом с ним одновременно и ребенка, и начальника не потребует от него коренной реорганизации личностной идентичности, ибо каждый из них догадывается о существовании и роли другого. Установившийся этикет, предлагающий «вежливо представить собеседников друг другу», по сути, подразумевает, что человек, по отношению к которому мы выполняем определенную роль, включен в ряд других отношений с другими людьми. Следовательно, я предполагаю, что бессвязные – на первый взгляд – контакты, имеющие место в повседневной жизни, могут тем не менее образовывать определенный тип социальной структуры, причем это происходит несмотря на существование нескольких «я», возможных в случае разделения ролей и аудитории на относительно независимые сегменты.